

Исповедь перед читателем

В жизни каждого человека наступает момент, когда приходит необходимость, душевная потребность оглянуться назад, подвести итоги сделанного, определить для себя: а что же дальше?

Этой книгой я хотел бы обозначить основные вехи на своем творческом пути, поэтому и собрал сюда все наиболее значимые, на мой взгляд, произведения. В моей жизни каждое из них связано с определенным этапом биографии, событиями и героями с которыми приходилось сталкиваться. Именно это и определило название книги.

Каждое из произведений имеет свою историю: некоторые из них писались на одном дыхании, а другие (и таких большинство) создавались в течение длительного времени, переделывались, перекраивались, прежде чем предстать перед читателями.

В них исповедь не только перед вами, но и перед самим собой, желание донести до других то, чем я жил, чем болел, о чем страдал на протяжении своей жизни. И, конечно, самое главное — я хотел показать непреходящую любовь к своей великой Родине, ко всем ее даже самым крайним уголкам, к ее людям, на первый взгляд, простым и незаметным, но таким же великим и могучим, как и та страна, в которой они живут — Россия.

А как мне все это удалось, судить вам.

Автор

ПОЭМЫ

KOCTPOMA

Вступление

Деревьев глубокие тени В снегу увязают, ветвясь. Во множестве хитросплетений Я вижу славянскую вязь.

Кудрявятся буквами ветки, Ложатся слова в седине, Как будто с деревьями предки Прислали послание мне.

Его прочитаю не сразу, Не вдруг содержанье пойму. Сплетаются хитрые фразы, Их тень проступает сквозь тьму.

Искрятся снегами страницы Доселе невиданных книг, И ближе становятся лица Незримых героев моих.

Вот месяц писателем древним Склонился' к листу у свечи. Пером ему служат деревья, Чернилами - тени в ночи.

СКАЗАНИЕ ПЕРВОЕ

Праздник провожания Костромы отмечался на Всехсвятской неделе (после Троицы).

Сказания русского народа, собранные И.П. Сахаровым. (Санкт-Петербург, 1885 г.)

Давным-давно в лесах непроходимых По берегам больших и малых рек Запахло терпко сеном, потом, дымом — Шагнул за Волгу русский человек.

Был всем хорош наш предок синеглазый: Сажень в плечах, копна ржаных кудрей. Иван-царевич, вышедший из сказок, Герой былин, отец богатырей.

Он всё обдумал, рассчитал заране: Свои заботы, помыслы, дела. Он всё решил. Вот только без названья Река лесная до поры текла.

Длинна зима в суровом Верхневолжье - Крутой мороз и дикая пурга. Сюда путей пробить никто не может Через безмолвно спящие снега.

Долга зима, как темь январской ночи, Хитра, как леший, яростна, как зверь. То жуткой ведьмой за стеной хохочет, То снежной лапой ударяет в дверь. Порой казалось: ей конца не будет И мир навеки у неё в плену. А потому с надеждой ждали люди Из дальних странствий красную весну.

Весне-Красне готовили подарки (Тут солнцу честь в блинах да в пирогах) И славя радость, в одеяньях ярких С веселой песней шли на берега.

Но всё ж весна, она ещё не лето—

Прохладный воздух виден по утрам. Весна в фату туманную одета, Открыта обжигающим ветрам.

В ней дух зимы не таял со снегами, А, затаясь надежно до поры, Бродил в лесах, висел над берегами, Над травами раскидывал шатры.

Витал кругом: в избе, в хлеву, на поле, Студил овраги, серебрил холмы. Короткий век его земной юдоли Кончался провожаньем Костромы.

Чтоб дух зимы не задержался дома, Свивали куклу раннею порой: Ей зашивали в тулово солому И набивали голову кострой.

Да вместе пострашнее наряжали Зимою, что вчера перенесли, И с криком за ворота провожали, И до реки коварную несли.

Да в воду с тихой радостью смотрели: Играли волны лютою зимой. Лён в голове, солома в чёрном теле. Ту куклу называли Костромой

А как-то раз июньским утром ранним, С зимой-колдуньей завершая счет, Вдруг вспомнили: река-то без названья, Без имени который год течёт. И поднялись тут споры-разговоры: Порядка нет — и вы скажите в чём... Стоит галдеж над полем и над бором. Вопрос один: «Как реку наречём?»

Шумели люди – гам до небосвода, Как будто посходили все с ума... Вдруг крик мальчонки, что глазел на воду: «Смотри-ка, мама, наша Кострома!»

Толпа людская вмиг остолбенела, Забыв свои заботы и дела: Нелепо кукла па воде чернела Вдоль по реке тихонечко плыла.

Рассыпалось безмолвие немое, Лишь только куклу вглубь поволокло; А речку без названья Костромою Село в единый голос нарекло;

Река, прожив без имени так долго, Еще себе не верила сама И все шептала удивленной Волге: «Я Кострома, ты слышишь — Кострома».

СКАЗАНИЕ ВТОРОЕ

Года летели, словно версты, И затихали в стороне. Лишь две реки, как будто сестры, В лесной шептались тишине.

Деревни, русские деревни Надежно спрятались в леса. Врезался в реки берег древний, Как острый нож или коса. Шум городов ему неведом, Гул площадей, церквей набат... А здесь порой ревут медведи Да зычно лебеди трубят.

Выходят лоси к водопою, Ушами чутко шевеля... Вдруг задрожала беспокойно На берегу крутом земля.

Зашевелилась, как живая, Она под сотнями коней И не спала, переживая, Когда костры зажгли на ней...

Князь Юрий вышел на пригорок, Едва заря зажгла костер, «Вот тут, — промолвил, — будет город, На стрелке, между двух сестер.

И пусть надежною охраной Столице служит от врагов, Чтоб не могли чужие страны Касаться русских берегов.

Мы здесь устроим все, как надо. Начнем, не тратя лишних слов. Построим мощные ограды, Воздвигнем насыпи валов».

Раздайся, клич, по всей округе: Пускай приходят стар и млад. Мы всех зовем: «Сбирайтесь, други, На Волге строить новый град».

Коль решено — так, значит, скоро Настанет шумная пора: Начнет застраиваться город, И граду новому «ура!»

И было так оно в начале Той незапамятной поры: В лесах дремучих застучали Людей работных топоры.

Как будто витязей былинных Рождала русская земля — Вставали стены-исполины Вдоль деревянного кремля.

Он рос весною и зимою, Вздымая башни и дома. Так над рекою Костромою Рождался город Кострома.

СКАЗАНИЕ ТРЕТЬЕ Явление

С гриднями князь Василий Ловлею потешались. Жалобно псы завыли И к лошадям прижались.

Чем же лесные дебри Псов испугать решили? Может, шальные вепри Все на пути крушили?

Может быть, волчья стая Вышла на злое дело? Тихо. Лишь лист слетает И шелестит несмело.

Голос животворящий С облака над сосною Вдруг разлился по чаще Музыкой неземною.

Вспыхнул узор над кроной, Словно цветная скатерть. С веток святой иконой Глянула Божья Матерь.

Тщетно пытались слуги Образ спустить на землю, - Им не давался в руки, Грешников не приемля.

Долго отцы молились. Много поклонов клалось. Матерь явила милость И в Костроме осталась.

Пожар

Взвился пожар великий, Хищно взмахнув крылами, И захлебнулся криком Колокол в Божьем храме. Взванивая со стоном, Он погружался в небыль. Вдруг поднялась икона, Скорбно застыла в небе.

Пламя над ней не властно. Что ей замки, ворота! Ярко горели краски Огненной позолотой.

И на людей с укором Мать с высоты взирала. Плакал горящий город. Прошлое умирало.

Дико плясали тени, Жутко дома горели. В ужасе и смятенье Люди на миг прозрели.

Образ узрели светлый, Медленно уходящий. Груды углей и пепла Ищущий да обрящет.

Быть Костроме в опале — Сами того добились. Люди на землю пали, Каялись и молились. Вспомнила Матерь Божья Притчу о блудном сыне И поняла — не сможет Грешных людей покинуть.

Хилым, слепым, калечным Будет Она опорой,

Господа Бога вечно Станет молить за город.

Чудо

Шли по земле татары, Словно исчадие ада. Ни молодым, ни старым — Нет никому пощады.

Русичи малой ратью Вышли врагу навстречу. Смилуйся, Божья Матерь, Даруй победу в сече.

Верная Божьей правде Выплыла из заката И у озерной глади Встретила супостата.

Грозный свой лик явила Огненной позолотой. Стали врагам могилой Топи да гниль болота.

Из глубины озерной Стоны летят ночами. Сеющий злые зерна Добрых не получает.

Солнце встает литое Из глубины столетий. Озеро спит Святое — Чуда немой свидетель.

СКАЗАНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

От легенд и былин, От годов и времен Есть у русской земли Много славных имен.

Шли лихие года По родимой стране: На Руси города Задыхались в огне.

Рожь горела в полях, Жгли людей на селе — То захватчиком лях Проходил по земле.

Не помогут слова, Если хворый в бреду. Под врагами Москва, Словно грешник в аду.

Полыхало окрест. Все померкло в дыму. Под обугленный крест Ночь пришла в Кострому.

Растеклись палачи Под бряцанье клинков По округе в ночи Черной стаей волков.

От дороги прямой Их в леса занесло, И под вечер зимой Набрели на село.

А в село, как всегда, Ну стучать в крайний дом: «Открывай, борода, Собирайся, пойдем.

Где ваш царь-государь Ты ведь знаешь, поди? Быстро, старый глухарь, Нас к нему выводи!»

Вышел старец на стук, В серебре борода: Заночуете тут — Ночь уже, господа.

Отдохнете как раз, Отоспитеся всласть. В эту пору у нас Очень просто пропасть».

Но одно утаил В этой страшной игре: Спрятан царь Михаил У него во дворе.

Скрытен мудрый старик. Знает только родня: Есть надежный тайник Под кормушкой коня.

Покричали враги, Проклиная судьбу, А порывы пурги Их загнали в избу.

А метель поутру Все метет да метет. Снег глубокий к добру, К. урожаю идет.

Всех подняв до зари, Поклонившись родным, Вышел сени старик, А поляки — за ним.

Снег тяжел и глубок: Поработала ночь, И шагать без дорог Басурманам невмочь.

Зол январский простор, Резки краски зимы. «Далеко еще, вор? Задыхаемся мы!»

В белоснежном дыму Глухо сосны шумят. И уже никому Нет дороги назад.

Старец встал под сосну: «Нету дальше пути. Я навеки засну, Но и вам не уйти.

И скажу наперед, Что погибну не зря, Коль пришел мой черед Умереть за царя. Божьей волен храним Славно царствует пусть,. Богородица с ним — Продолжается Русь».

Взвился злых басурман Растревоженный рой, И от сабельных ран Пошатнулся герой.

Он, упав, прошептал: «Мы вовек не умрем» И на площади встал Вместе с юным царем.

СКАЗАНИЕ ПЯТОЕ

С упрямым взглядом, с непокорной челкой, С мальчишеским характером крутым Жила девчонка в городе над Волгой, Носила в сердце дерзкие мечты.

Все потрудней себе искала дело, Полезной стать мечтала для страны: Под облака взлететь она хотела Или достичь рекордной глубины.

Казалось, никогда не уставала, А жить без дела просто не могла: И парашют умело раскрывала, И на байдарке по-мужски гребла. Бывало, влезет на Козловы горы, Оттуда — вниз, до Волги — по прямой... И так любила свой старинный город, Что и ее прозвали Костромой.

Порою, слыша смех ее негромкий И видя увлеченные глаза, Теплели люди: «Это же Костромка! Вот постреленок. Право, егоза».

А кто-то рядом хмурился ворчливо: «Чего ей надо? Иль сошла с ума!» Ну, а она? Жила себе счастливо Девчонка, по прозванью Кострома.

Все потрудней себе искала дело. Ей нипочем ни высь, ни глубина... Вдруг позвала на битву самых смелых Великая священная война.

Девчонка, став торжественной и строгой, Родные покидала берега. Пошла крутой военною дорогой Священной местью сокрушать врага.

Судьба солдата то светла, то мглиста — Не вдруг увидишь в боевом пылу, Как оказалась девушка радистом, Разведчицей во вражеском тылу.

Сквозь гул сражений голоса родные Нам приносила фронтовая тьма — Знакомые до боли позывные: «Я Кострома, ты слышишь, Кострома».

Словам летучим нет ни дня, ни ночи, Исходят потом, мерзнут вдоль снегов. И все сильней ее тире и точки Летят огнем на головы врагов.

Все было так. Все до минуты точно, Все было так. Но только как-то раз 'Мигнул глазок зеленый неурочно: «Я Кострома. Фашисты прут на нас.

В заброшенной избушке придорожной Мы оказались, словно в западне. Окружены. Прорваться невозможно. А в общем, на войне, как как войне.

Горит изба. Мы как в исчадье ада. Жара и копоть. Все в дыму кругом. Не надо плакать, милые, не надо — Мы рассчитались полностью с врагом»...

Когда живым там не осталось места И никому не выйти из огня, На всю планету шло открытым текстом: «Я Кострома! Вы слышите меня?!».

СКАЗАНИЕ ШЕСТОЕ

От русской земли
В заграничные страны
Зимою и летом —
Во все времена —
Идут корабли
По груди океана
И гордо несут

На себе имена. Несут на груди Свое гордое званье — За ним человек Или города честь. И коль прогудит Он тебе в океане, Названье его Постарайся прочесть. Расступится тьма, Возвещая рассветы, И словно мираж В океанской дали Мелькнет «Кострома» Дорогим силуэтом, Как белая чайка, Как вестник земли. Летит величаво, Как вольная птица, Над волжской волною Расправив крыло. Далекая слава, Былые страницы — Все в имени том Отразиться смогло. Хоть голос столетний Нам близок и дорог, Но мы не всегда Вспоминаем о нем В названии этом — Сегодняшний город С прекрасным и радостным Завтрашним днем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Больше не найдете вы такой В мире величавости и стати — Над великой русскою рекой Куполами светится Ипатий.

Над крыльцом Романовских палат Плат узорный с голубой каймою. Знать, не зря Феодор Стратилат Распростер крыла над Костромою.

Сторона глухая вдаль и вширь Залегла дремучими лесами. Словом среднерусская Сибирь — Только здесь родиться мог Сусанин.

А над ней напевно и светло, Пробиваясь сквозь металл и камень, Величавый звон колоколов Уплывает вслед за облаками.

Ввысь взмывают стаи сизарей. Мирно дремлют лодки у причала. Костромщина — родина царей, Возрожденье русского начала.

Что за Кострома без каланчи? — Так — не город, а одно названье. Земляки мои, костромичи — Не найти на свете выше званья.

Кострома, Отечество мое. Было все: приливы и отливы. Пусть вокруг кружится воронье, Ты идешь себе неторопливо.

Нет в тебе столичной суеты, Нет душевной злобы и надсады, Хоть была уже когда-то ты Всей Руси великим стольным градом, Зная, что корона не к лицу, Ты ее сменила на кокошник. И живут в тебе — хвала Творцу — Неразлучно будущее с прошлым.

Для столицы важен антураж, А в тебе ни гордости, ни спеси. Не обманешь ты и не предашь, За подачку не изменишь песен.

Ты идешь, торжественно светла, Ты — сама история живая. И звенят, звенят колокола, К чистоте духовной призывая.

ЛЕБЕДИНЫЕ ПЕРЬЯ

Пионеру народного образования Сеймчанского края П.И.Борисову посвящаю.

ДОРОГА

За перевалом перевал, То сопки, то распадки. Наш путь то падал, то вставал Вдали сплошной загадкой.

Подьем и спуск. Опять подьем А впереди все то же И нет конца, когда ж дойдем? А не дойти не можем.

Так молча думал паренек С учительским дипломом Тайгой шагая без дорог, Зв тыщи верст от дома.

За парнем верные друзья Тайгу штурмуют следом Встречайте, дикие края Большой земли полпредов.

Штурмуют сопки вшестером, Забыв про сон и голод Лавин сходящих дикий гром Бьет в душу словно молот.

Идут покуда силы есть, Четвертую неделю. Все то, что можно было съесть, Они давно уж съели.

Непроходимые снега Встают, вздымаясь круто. Грозит колымская тайга Последним стать приютом.

Зима бросалась на людей Косматой головою, Предсмертным хрипом лошадей И волчьим злобным воем. И замерзает в горле крик, Людские души раня, Якут, угрюмый проводник, Молчит как изваянье.

Тайгой колымской без дорог Сквозь тишину шагают. Лишь на привале костерок Им весело моргает.

За днями дни, за днями дни Друзья безмолвье будят. Куда, зачем идут они? Что нужно этим людям.

Не старожилы этих мест-Заметно по повадкам. Их удивил старинный крест, Стоящий над распадком. Его, как чудо, окружив, Смотрели удивленно: Кто здесь дорогу проложил Еще во время оно?

Им пояснил седой якут: «Тому назад столетье Жена и муж прошли вот тут Тропу крестами метя.

И было так из века в век: Ища земного рая, Работный русский человек Шел к северному краю...

Вот люди движутся опять... Что им сегодня нужно? Зачем идут: забрать иль дать С враждою или с дружбой?

Но без креста и без меча Они идут, а с миром, С великой правдой Ильича К якутам, юкогирам...

Хотя дорога нелегка, А силы на пределе, Не бросил парень вещмешка, Ступая еле, еле.

Друзья ему: «Не хватит сил, Не выдержишь, Панкратий, И не такое выносил Сказали раз -и хватит» А если брошу по пути Я в сопках вещи эти, То будет незачем идти, Мне к юкогирским детям.

И он понес через январь Надежду, свет и радость: Обычный старенький букварь И несколько тетрадок.

Мой друг, порою вспоминай Рассказы и преданья, Как проходили в этот край Дорогой трудной знанья.

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

Начало

На сотни верст, поверишь друг, Оседлых нет селений. Лишь только стойбища вокруг Да тысячи оленей.

Я здесь в безграмотном краю, Мотаюсь до упаду. Впервые школу создаю, Да нет покуда ладу.

Аборигены не поймут, Что все для их же счастья. За сотни лет привык якут К обманам царской власти. И всюду, где ни появись, Ждет отчужденья камень. Хозяин взгляд опустит вниз И разведет руками.

«Мол я по-русски не пойму, Не разберу ни слова. Ну что бы ты сказал ему, Какой привел бы довод?

А я, брат, к этому готов: Давно владею - местным Пролью в беседе сто потов, Уговорю – известно.

Мне отдавать своих детей Отцы решались в руки: «Ну что же, ладно, грамотей, Учи ребят науке».

В другое стойбище едва Я утром отъезжаю Уж по тайге спешит молва, Меня опережая.

Бегут навстречу малыши, Доверчивые лица. «Нас тоже в школу запиши, Мы все хотим учиться».

Один парнишка лет шести, Другой, четвертый, пятый. «Пока вам надо подрасти, Окрепнуть, пострелята».

Идут степенно старики Качая головами: «А может... это, земляки, И нас запишут с вами»

Улыбку уголками рта Смущенно обозначат Мол, знаем публика не та... Прости за шутку, значит.

Но так бывало не всегда И весело и споро. Большого стоили труда Иные разговоры.

Отец упрется: «Ни к чему Занятие пустое Учиться сыну моему Я думаю не стоит.

Мой старый дед и деда дед, Отцы, сыны и внуки Уж слава Богу, сколько лет Прожили без науки.

Не сдвинешь этого отца, Не убедишь, хоть тресни... И без начала, без конца Скороговорка-песня.

Но все ж шагает новый век Прошедшему на диво... Живут шестнадцать человек Ребячьим коллективом.

Да вот беда: учиться где, Казалось, казус вышел. Ходили всюду и везде, Но нет надежной крыши.

Искали всюду, где могли Все начиная снова. И были мы на край земли Пойти тогда готовы.

И вот нашли с большим трудом На стойбище далеком Поповский бывший старый дом, Но без дверей и окон.

Большой не видели беды Коль было трудно что-то Своей находкою горды, Взялись мы за работу.

Ремонта техника проста: Мы начинали с пола, Вернули двери на места И написали: «ШКОЛА».

Проблема с окнами была, Вопрос смертельный прямо Ну, где ты здесь возьмешь стекла? Ну что ты вставишь в рамы?

Теперь бы это дважды два В один момент решилось. Ну, а тогда одни слова, Как быть, скажи на милость.

Искали, спорили...Порой Слова летели градом. Словесный замок строй не строй, А окна вставить надо.

И что ты думаешь: дошло... Изобрели, открыли Нашли прекрасное стекло Совсем в полярном стиле.

Чьей был фантазии полет, Сейчас не помню, право, Пилить на речке стали лед-Вот где стекло на славу.

Проблема сразу решена, И никаких волнений... Четыре маленьких окна, Четыре синих тени.

Все от скамейки до стола Здесь просто и надежно. С ремонтом кончены дела И заниматься можно.

А мы живем

Кричал шаман, грозил шаман, Пускал по семьям слухи, Что мол пришельца за обман Накажут злые духи.

Проходит время день за днем, Течет водою полой, А мы живем, а мы живем, Сильнее духов школа.

У нас на всех один букварь, Тетради на исходе... И вдруг мы в доме старый ларь С бумагами находим.

Сойдешь от радости с ума: Находка стоит клада. Каких-то серых бланков тьма Вот это то, что надо.

Тут не жалей карандаши-Найдется им замена-Рисуй, ребята, и пиши, И пишут дети от души, Забыв про перемену.

Тогда, совсем не как сейчас, Была житуха, парень. Урок закончен, а у нас Обед еще не сварен.

Кто ж будет нам варить его?-Ни няньки, ни прислуги-Нет рядом с нами никого Одни во всей округе.

Поверь, красивые слова В обед не будешь кушать. А печь топить -нужны дрова, Желательно посуше.

Мы от людей отделены Горами и лесами Готовить кашу и блины Давно умеем сами

Но нынче вроде не с руки Уменье это наше. Давно уж нет крупы, муки И соли нету даже.

Мы ж не привыкли унывать-Тайга всегда прокормит. И рада нам она давать Питанье в полной норме.

Всех наших дел не перечесть: Всегда найдется что-то: Одежду шьем, готовим есть И ходим на охоту.

С утра беремся за дела-Лентяям нету места Такая жизнь у нас была, Нелегкая, известно.

Под вечер лавки и столы, Толпясь на кухне хмуро, Уступят темные углы Оленьим теплым шкурам.

Девчонки тут, мальчишки там, А между я -учитель «А ну-ка быстро по местам! Ложитесь и молчите»! «Уймитесь, спать давно пора»-, Ворчу я без обиды И затихает детвора, Но только так, для вида.

Уснули, думаешь? Шалишь Была бы спать охота! Вдруг кто-то пискнет, словно мышь, В кулак хихикнет кто-то.

Ну, тут уж кто во что горазд Взорвется ночь глухая, От детских шуток и проказ Под утро затихая...

Порой притихнут как-то вдруг Мечтать начнут средь ночи. Тот станет доктором наук, А тот поэтом хочет.

Один взлетит под облака, Другой уйдет под воду Пойдут выращивать леса, Предсказывать погоду.

Хоть в чудеса не верю я, Но факт такого рода: Передо мною сыновья Забытого народа.

Забыты богом и царем, Но не советской властью. Руками крепкими берем Мы собственное счастье.

Дойдем терпеньем и трудом К мечте своей заветной... Тихонько дремлет школьный дом До самого рассвета.

Лебединые перья

Изведены карандаши, Исписаны до точки. Теперь чем хочешь, тем пиши, Хоть пальцем делай строчки.

Не пишем день, не пишем два... Уже прошла неделя... Ну, просто кругом голова, Что делать в самом деле?

И до сих пор я не могу Преодолеть волненья, Когда увижу на снегу Слова и предложенья.

Перед глазами все опять. Лишь на сугробы гляну: Вот превращается в тетрадь Пришкольная поляна.

Сейчас –то – это баловство, Занятие от скуки. А детям было каково?- Писать хотели руки.

Случалось всяко на веку, И хорошо и плохо... А эти буквы на снегу - В них целая эпоха.

Но в жизни есть всему предел, Всегда проходит что-то Зима осталась не удел, Зачахла без работы.

Пройдем и мы сквозь толщу лет, Как весны или зимы. А что прошло, оставив след, Уже неповторимо...

Идет колымская весна, Не торопясь, степенно. Выводит солнце письмена Лучом на школьных стенах.

Потом бежит на Колыму, На водной глади пишет. Ах, как завидуют ему Девчонки и мальчишки.

А сами пальцем, как оно, Застывший воздух режут. Но только грустно все равно. Ну где же выход, где же?

Ну где же ключ загадки той? И будет ли разгадан? А выход близкий и простой Ходил спокойно рядом.

Ходил и плавал и летал, С годами подрастая, Пока однажды не отстал От лебединой стаи.

Взметнулись белой тучей вдруг Над Колымою перья, Заполонили все вокруг: Деревья, воду, берег.

И дело вроде ж не хитро, Да все проходят мимо. А лебединое перо... Ну кто ж его поднимет?

И все ж дошли мальчишки вот До мысли этой самой. Сообразительный народ, Настырливый, упрямый.

Сегодня вижу, как во сне Или в старинной сказке: Бежит один пацан ко мне И тащит перьев связку.

Своей находкой потрясал И был смешон наверно. «Скажите, Пушкин чем писал?-Пером гусиным, верно?»

«А почему не можем мы, Страны Советской дети, Вот здесь, у древней Колымы Воспользоваться этим?» Развеселилась детвора, Нет радости предела, И долго громкое ура Над Колымой летело.

Но я руками развожу: «Где здесь достать чернила?» А он: «Да я вам покажу-В тайге их просто сила».

Ну разве кто подумать мог, Что службу нам сослужит Простой, густой черничный сок Любых чернил не хуже.

И вновь на лад пошли дела В глухом таежном стане... Кругой, нелегкою была Для нас дорога знаний.

Заветная буква

Мы буквы все от «А» до «Я» Почти с пеленок знаем, Но есть у каждого своя. Заветная, родная.

Она священнейший секрет И для других загадка. А у меня секретов нет... А впрочем, по порядку.

Таежной жизни существо В мою судьбу врастало... Заветной самой буква «О» Еще в ту пору стала.

Пообносился я за год, Пообтрепался, братцы Вот, наконец, пришел черед Моей одежде рваться.

Из шкур одежду сшили мне Девчонки-ученицы... Теперь я выгляжу вполне... Хоть завтра и жениться.

Из шкур рубаха и штаны, И прочие предметы... Все было б ладно до весны, Точней сказать до лета.

Терпимо было по весне, А летом стало худо: Я в меховой своей броне Бродил как чудо-юдо.

В такой одежде тень не тень, Мне предстоит парная... И эта мука каждый день... Когда конец, не знаю

Казалось, даже в сердце пот Ползет, его тираня, Как будто только и забот: Бороться с этой баней.

Девчонки выдумали мне, Создав единым махом, Обновку сносную вполне, Из лозунга рубаху. Вообразите, каково Я выглядел в обновке. А меж лопаток буква «О» Сидела очень ловко.

Тут, братцы, смейся или плачь Иль удивляться можешь Но мне тот выцветший кумач Любых шелков дороже.

Напоминает нынче он Как на плоту тяжелом, По Колыме плыву в район Я из таежной школы...

За поворотом поворот, Мелькают перекаты. Везет домой мой старый плот За целый год зарплату.

Да не в червонцах, не в рублях И не в товарах красных... В муке, крупе и кренделях-На целый год припасу.

Карандаши и буквари, Тетради, книги едут... А это что ни говори Еще одна победа.

На мне уже, хотя простой, Костюм приличный с виду... Но все же я рубахи той Вовек не дам в обиду.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Летят по небу облака За лебединой стаей Течет таежная река, Спешит года считая,

Где оставляя пенный след, Меня волна качала. Эх, если б сбросить тяжесть лет И все начать сначала.

Но только нет. Зачем я лгу Себе и людям тоже. Жить по- другому не могу-Ведь я неплохо прожил.

А все сначала начинать /Вы хорошенько взвесьте/ Ну для чего, позвольте знать, Топтание на месте?

Пусть даже груз прошедших лет С плеч свалиться однажды, Торить по жизни тот же след Я не согласен дважды.

Уж вы простите старика: Не то сказал, быть может...» За горизонт бежит река С его судьбою схожа.

1984. с. Верхний Сеймчан. Колыма.

МАРФИНА МОГИЛА

ВСТУПЛЕНИЕ

По Дикому полю Туманы, туманы. Степное раздолье Кровавые раны. Где смерть алых пятен Расставила знаки. Бесчисленной ратью Проходят казаки. Проходят угрюмо, Как будто на плаху. Наполнены сумы, Набиты папахи. Суровые лица, Несметная сила Святую землицу Несут на могилу. Идут спозаранку, Ступая несмело, Крестьяне, крестьянки-И нет им предела. В платке и в подоле, И просто в ладонях Несут свою долю-Казачку хоронят. Взлетел над равниной, Насыпан руками Курган, что поныне Стоит над веками. И вновь проступили Кровавые знаки-Цветут на могиле Свободою маки.

На сильное тело, На алые краски Ковыль поседелый Ложится повязкой. Но воли не скроешь Седыми бинтами Сквозь время герои Приходят цветами. Цветы на курганах, Цветы при долинах. Кровавые раны Сказанья, былины. Легенлы и плачи О битвах за волю, О судьбах казачьих, О Марфиной доле.

ПАНСКАЯ ОХОТА

Ой ты, утро, утро раннее, Ой, заступница судьба, Сохрани от поругания Наши бедные хлеба. Больно видеть их побитыми. А хлебам еще больней-Погибают под копытами Панских бешеных коней. И собаками помятые Горько плачут колоски. Жизнь крестьянская проклятая Удавиться б от тоски. Чу! Опять собаки бешено Зайца выгнали в поля Свита конная и пешая Как ты терпишь, мать-земля?! Что же делать нам, кормилица?

Что посеем – не пожнем. Чешут мокрые потылицы Мужики по-над плетнем. Поднимают взгляды хмурые, И сожмутся кулаки. Отрешенные, понурые, Разбредутся мужики. Пан своею псарней славится Не собаки, а букет: Все одна к одной – красавицы, Лучше их в округе нет. Широка натура барская, Словно полая вода. Не нашествие татарское-Мчит охотников орда. Ближе лай и улюлюканье Крик: «Гони его к Донцу!» А вдобавок смачной руганью, Словно плетью по лицу. Пан доволен. Он с добычею. Всем по рюмке за труды. Слезы поле горемычное Льет в кровавые следы.

ПСАРЬ

Был в имении у пана Псарь по прозвищу Тырпак. Говорили про Ивана: «Добрый хлопец, а крепак» «Не свободный, ну так что же?» Девки спорили о нем Но зато такой пригожий Поглядит, обдаст огнем Все при нем: и ум и сила, И дородство, только зря

Не одна глаза косила На господского псаря. Зря в Крещение гадали, Извели немало свеч. И напрасно сватов ждали Даром ждали тайных встреч. Стар и мал порой с Иваном Заводили разговор, Но, однако, очень странным Стал Тырпак с недавних пор. Говорит, а смотрит мимо, Не мигая, смотрит вдаль. Плачет мать: «Скажи, родимый, Что на сердце за печаль? Не таись, поведай, милый Может, чем смогу помочь». «Полюбил Гуська Данилы Я тринадцатую дочь» Ухватилась мать за лутку: «Боже правый, помоги Ты, Иванушка...Марфутку Так они ведь жебраки» «Мама, мама, как ты можешь? Мы то что за господа? В свете нет ее дороже И не будет никогда». «Ну, а с ней-то как, сыночек Без согласья под венец?» «И она с другим не хочет, Лишь со мною и конец» «Да, любовь-святое дело Ей богатство не указ. Но когда же все успело Эдак сладиться у вас?» «Как-то встретились случайно

И прости- прощай покой, А потом встречались тайно Каждый вечер над рекой». «Дай икону я достану, Как ведется на Руси А теперь сбирайся к пану, Дозволенья попроси. Вот придя за дозволеньем, Верноподданный холоп Перед паном на колени Повалился словно сноп. Но у пана все непросто, У него в уме свое: «А-А, Гусек, что за погостом?-Не хибара, а гнилье. Ты, Иван, меня послушай Дать совет тебе позволь. Ну зачем тебе Марфушка? Не семья – сплошная голь. А холоп глядит с тоскою И не слышит про семью. Пан кипит: «Да что такое? Я с тя спесь-то пособью! Ох, упрям же ты, Ивашка, Против барина идешь Ну так вот тебе Палашка Коль жениться невтерпеж. «Но Палашка же старуха, Пожалейте, господин!» Пан ответил зло и глухо «Ничего – не ты один» «А Марфуша, прошу пана. Без нее мне жить невмочь» «У меня другие планы Вообще. Поди-ка прочь».

ПРИЕЗД СОСЕДА ПОМЕЩИКА

Раз вечернею порою Под высокое крыльцо Подлетела пара троек С перезвоном бубенцов. Молодой сосед – повеса К пану в гости прикатил. Он развратник всем известный И кутила из кутил. Вышел гость – одет богато, На изысканный манер Молодой, щеголеватый, Франтоватый кавалер. Он на девушек крестьянок Мимоходом кинул глаз. На Марфушу остро глянул Искушенный ловелас. От пронзительного взгляда Марфу ужасом свело, Провалиться в землю рада Иль умчаться за село. Но сменились взгляды эти Равнодушьем на лице. Дорогого гостя встретил Сам хозяин на крыльце. Окна залиты сияньем, В доме шум и суета. И заметили крестьяне: «Это, братцы, неспроста». Вот несут от задней тройки Провиант, вино, табак И ведут поджарых, стройных Замечательных собак Вмиг толпа взорвалась плачем

Меж домами шум и гам Гость с товаром — это значит Быть в имении торгам.

ТОРГ

Иллюминация в гостиной, Светло, куда ни кинешь взор. Сидят хозяин с гостем чинно, Ведут серьезный разговор. Старик собак за ухом гладит Покупка будет хороша. «Мы очень рады, очень рады Приезду вашему, душа.» Коль разговор серьезный начат, Мне ясность полная нужна. Что вы хотите за собачек? Какая будет им цена? «И мне охота сговориться Я с вас недорого возьму, Одна пригожая девица-Цена товару моему». Тут усмехнулся старый. Ишь ты Ведь это ж надо так хватить. «Сосед мой милый, шалунишка. Со мной не надо так шутить...» «Помилуй бог, все так серьезно. Я в торге шутов не люблю И в самом деле этих борзых Вам за девицу уступлю». Еще считая это шуткой Или соседа простаком, Велеть старик одеть Марфушку И привести в хозяйский дом.

СООБЩЕНИЕ

Прибежавшая соседка В услужении жила. «Собирайся быстро, детка, Видно, очередь пришла. Про тебя в гостином зале Речь хозяйская идет Уж тебя заторговали, И хозяин новый ждет. Задрожала, словно листик, Марфа чувствуя беду, «Ладно, тетя, вы идите, Я оденусь и приду». «Слушай, батя и мамаша, Я позора не стерплю. Мне теперь и в прорубь краше, Чем к такому кобелю. Буду я искать дорогу Белым днем, в глухой ночи, За днепровские пороги Добираться до Сечи. Будет мне порукой ночка, Будут домом все кусты. Дайте батину сорочку, Да дырявые порты».

БЕГСТВО

Шел мальчишка и плакал В дорожной пыли. Вдоль Бахмутского шляха Ковыли, ковыли.. Шел он темною ночью, Во згляде печаль. На мальчишке сорочка С чужого плеча.

Перелатана свитка, Папаха до глаз. Ноги босые сбиты Об камни не раз. Вдруг увидел хлопчина Вдалеке огоньки! Это встали в долине На ночлег чумаки. Если голоден очень, То едва ль устоишь, Если варят средь ночи Где-то рядом кулиш. И не выдержал сердцем, Вышел из-за куста: «Разрешите согреться, Бедный я, сирота». Чумаки встрепенулись, Растерялись на миг. Кто такой и откули? Как в наш лагерь проник? А потом рассмотрели, Пожалели, видать. У костра обогрели, Указали, где спать. «Ты иди-ка, покушай, Дорогая душа». Дали хлеба горбушку Да черпак кулиша. «И не страшно, касатик,-Молвил старый чумак,-Эту землю топтати Одному то вот так». «Дюже, дедушка, страшно. А деваться куда? С горькой долею нашей

Породнилась беда. Вот шагаю по миру От села до села Я несчастный и сирый, Мне и жизнь не мила». Ел он долго и смачно, Обжигая язык Знать, от пищи горячей Парнишка отвык. А наевшись, напившись Отдал низкий поклон -По обычаю пише И хозяевам он. Чумаки повздыхали: «Да, лихая пора...» В темноте затухали Огоньки от костра. Вот уставшее тело Ночь в объятья взяла Тишина прилетела И на землю легла. Только сон был короток: В тишине все ясней Над долиною топот, Ржанье чьих-то коней. Встрепенулся парнишка, Подтянувши порты, И шагнул вдруг неслышно Под густые кусты. Солевозу не внове Видеть угрозы в упор, У него в изголовье Наготове топор. Встали замкнутым кругом-Ну, давай, подходи!

Только голос: «Эй, други, Воевать погоди. Разговор наш, ребята, Не с такими, как вы, Лиходеям богатым Не сносить головы. То в долину спустились Удальцы-гультяи. Солевозы смутились: «Стойте, братцы, свои!» Пригласили покушать, Отдохнуть от дорог, Развели чуть потухший Небольшой костерок. Но воителям вольным Нет задержек в пути, Полчаса – и довольно, Надо дальше идти. Ночь усталую гонит Наступивший восход. Норовистые кони Вновь готовы в поход. Люди в седла вскочили И –навстречу с судьбой. Вдруг какой-то хлопчина Попросил взять с собой. «В жизни не было счастья-Никогда у меня. Мне бы с вами помчаться Только нету коня». Пожалели парнишку, Дали лошадь свою. «Ну давай быстро, слыш-ка, Принимаем в семью». Он вскочил одним махом,

Засверкали глаза. С -под упавшей папахи Полетела коса. «Вот тебе и хлопчина, Ну дела, так дела. Коль решилась дивчина, Значит жизнь довела.»

СЛУХИ

Минули годы с той поры, Как Марфа из села бежала. Все так же ветхие дворы Рука господская держала. Все так же крут вельможный пан, Чьей волей с дряхлою старухой Обвенчан силою Иван Но вот пошли по селам слухи Гуляет по степи отряд Какой-то грозный атаманши, Усадьбы барские горят, И гнев ее к богатым страшен Но атаманщина рука Лишь на богатых шла с кинжалом Не разоряла бедняка. И сироту не обижала. Она идет как грозный суд, Как месть несется по дорогам, Господ богатства не спасут, Им покаянья не помогут. «Она несется как гроза, И над тобою громом грянет,-Все это барину в глаза, Сказали, осмелев, крестьяне.-И ты, вельможный, погоди,

Перед людьми за все ответишь Суд над тобою впереди, Недолго жить тебе на свете. Ясновельможный присмирел. Холопов дерзких слыша речи: Сосед в имении сгорел, И самому бы не испечься Придется смирно жить пока И не перечить рваной голи. А вот придут сюда войска, Тогда натешимся мы вволю. Найдем управу на скотов,-Они за все сполна заплатят. У нас нагаек и кнутов На все холопьи спины хватит. Но как то на сердце тревожно. От страха мечется душа,-Так думал пан ясновельможный. В свое имение спеша.

СУД

Где над степью росистой Молча бродит луна, Вдруг отчаянным свистом Взорвалась тишина. Норовистые кони Да клинки наголо-В молодецком разгоне Мчит ватага в село. Мчит лавина людская, Свист и топот над ней. Меж домов растекаясь, Пляшут сотни огней. По дороге знакомой, Как любовь и слеза,

Мчит к господскому дому Атаманша –гроза На коне –громобое Ворвалась на крыльцо. Позвала за собою Удалых молодцов «Веселее, ребята! Из-за этих дверей Злого старого ката Волоките скорей. Будет суд и расправа У господских ворот. Он получит по праву, Что назначит народ...» Вот с постели поднявши, Тянут пана во двор, Чтоб в глазах атаманши Он прочел приговор. И смертельным испугом Выбит спеси запал-Пан средь сельского круга На колени упал. А спина подломилась В поклоне земном: «Пощади, сделай милость-Я прошу об одном. Мне немного осталось Жить на этой земле Пожалей мою старость, Седину пожалей. Ты сильна и красива, Ты, как ветер, легка. Ну, скажи, что за диво Погубить старика? Неужели на муки

Старца могут обречь Эти нежные руки, Эта женская речь? Забери все богатства, Утоли мою боль. В монастырское братство Удалиться позволь». Пан ужом извивался, О пощаде молил, Над судьбой убивался, Слезы горькие лил. «Ну, уж если ты начал, Буду я продолжать. Помнишь, Марфу-крепачку, Что решилась бежать? «Посмотри же, паночек, Эй, подайте огня! Я надеюсь и ночью Ты узнаешь меня». С кос рванула папаху Атаманша – гроза, У вельможи от страха Закатились глаза. А в толпе зашумели, Суета поднялась. Посмотри, в самом деле Наша Марфа нашлась. Боевая, как вихорь, Ни за что не узнать», «Эй вы, шалые, тихо-Надо суд начинать» Марфа сдвинула брови, Покидая седло «Говорите, панове, Пана судит село.

Злы крестьянские лица Но на слово скупы. Вдруг одна молодица Начала из толпы. «Вы послушайте, люди, Как своим молоком Вместо дочери грудью Я кормила щенков. И голодной малютка, Не пожив, умерла, Смерти барину лютой За лихие дела. Вот не может дождаться, Лезет парень вперед: «Дайте высказать, братцы, Наступил мой черед. И меня пан вельможный Приказал в бане сечь, Так, что лопалась кожа, Лезла клочьями с плеч», И тугая на ухо От господской руки Говорила старуха, Опершись на клюки: «Отдал сына в солдаты Барин прошлой весной, А сынок-то женатый И в семье сам – седьмой». Вдруг, как будто взорвавшись, Загудел весь народ: «Попил кровушки нашей, Вурдалак, живоглот». «Оженили Ивана На старухе ста лет». «Ну послушаем пана,

Что он скажет в ответ». Прыгал словно в ознобе Перекошенный рот. Начал в яростной злобе Пан визжать на народ Каблуками затопав, И слюною давясь: «Погодите, холопы, Доберемся до вас. И у нас будет праздник, Беспощадный такой-Будут лютые казни Кровь польется рекой. Вы сочтете за счастье Поскорей умереть, Чем на дыбе качаться Иль живыми гореть». Вмиг толпа взволновалась, Крик донесся во тьму: «Горя нашего мало Надо смерти ему. Ну, давайте поможем, Разрешим умереть Что ж придется, вельможа, Вам сегодня гореть». Долго отсветом алым Пламя в темень текло. До рассвета не спало Этой ночью село.

СМЕРТЬ И БЕСМЕРТИЕ

Перезвоном гудёт Поле Дикое, По степи идет Рать великая.

Злая рать орда Государева С ней пришла беда Страшным заревом. Ой, зорят, секут Голь несчастную По степи текут Реки красные. Стали Марфе мстить Злые вороны. Перекрыли пути На все стороны. Степь донецкая, Поле Дикое. Перевиты цветы Повиликою. Перевиты цветы, Перевязаны. А отряду пути Все заказаны Все теснее круг Вольной вольницы. Рыщет враг вокруг. Следом гонится. Ой, закрыли дверь, Да захлопнули. А куда теперь Деться соколам? Пав, в бою обнять Степь просторную. Иль в плену принять Смерть позорную? Не затем пути Кровью политы, Чтоб в полон идти

Доброй волею. Тут судить-рядить Долго нечего. Вот уж степь гудит Грозной сечею. Битвой злой кипит Да неравною. Полегли в степи Хлопцы славные. Мчится конь степной С атаманшею Будут ей одной Муки страшные, Попади она В руки злобные. Впереди стена, Место лобное. «Только зря палач Не похаживай, На груди кумач Не поглаживай. Не гореть костру В стольном городе Я вовек не умру, Злые вороги. Не боясь суда И проклятия, Я вернусь сюда, К вольной братии. Там, где мы прошли Шумной вольницей Кровь и плоть земли Мной наполнятся. Всюду я пойду Незамеченной,

Радость и беду Снова встречу я. Упаду с небес В ширь раздольную, Разнесусь в окрест Песней вольною». Смотрят облака Ветром тронуты, Гонит степняка Марфа к омуту. Вот и все... Конец, И бессмертие. Забурлил Донец Круговертями. Выпьют камыши Да прибрежные На помин души Воду свежую. Вороны галдят По-над тризною, А цветы глядят С укоризною. Ивы на ветру Машут косами, Травы поутру Плачут росами. Со слезой поют Пташки малые. А вдали встают Зори алые. Небо рассекли. Сабли-молнии Кровью утекли Годы вольные. Тишина в полях

За околицей.
На Чумацкий шлях
Вышла вольница.
Смотрит сквозь года
С неба синего
Марфина звезда
Негасимая.

МЕЖАКИ

OT ABTOPA

За рекою за Межою Есть обычное село. Не сказать, чтобы большое, И не то, чтобы мало. Где взяла названье речка, Утверждать я не берусь. Может, чудское словечко Проросло в святую Русь. Словом, так иль по-другому... Поселившись у реки, Край лесной родимым домом Называют межаки. Мы забыли безнадежно. Что еще позавчера Жили здесь, в краю таежном, Межевские мастера. Ну, а я решил напомнить Вам, что было и прошло... В сердце нет страны огромней, Чем родимое село.

СПОР

Шла чужою стороною Как -то плотников артель. Дело самое земное: Из голов не вышел хмель. Им бы головы поправить Или что-нибудь на зуб... Тут мужик: хочу поставить Я, ребята, новый сруб. Сруб поставить эко дело... Не пугай, не в первый раз.

Лишь бы лес непереспелый, Остальное – все при нас. Крякнут, плюнут на ладони И начнут- куда с добром, Только дерево застонет, Зазвенит под топором. Эх, топор, стальное жало. Под руками клин да мох. А без них – давно, пожалуй, Плотник с голоду б подох. А ребятам – что за горе? До такого не дойдут. Все изладят, все спроворят И до дела доведут. Рубят в чашку, рубят в лапу И на шутки мастера: -Эй, хозяюшка, накапай Водки этак с полведра. -Нешто вовсе обалдели-Столько выпьешь-Так помрешь. -Аль не видишь-Мы при деле, Этим нас не прошибешь. Мужики привыкли водкой Изгонять любую хворь. Пошевеливайся, тетка, Нам закусочки спроворь. Отдохнем да выпьем Малость-И на песни повело. И усталость не усталость. Все, что было, все прошло. А тому, кто пьет без меры, Будто нет на нем креста.

В нашем деле нету веры: Глаз не тот, рука не та. А когда поставить точку В этом деле –все вольны. Вон Ивашка выпьет бочку. А назавтра – хоть бы хны. Снова рубит, снова тешет. Все то к месту, все то в лад. Ох, и прорва, ох и леший... Не работник – чистый клад. И другие честь по чести, С головами мужики, Все при деле, Все при месте-Сразу видно – межаки. А хозяин:-Интересно, Слышь, артельшик, расскажи, Это где такая местность? Сколь отсюда до Межи? Призадумался артельный, Почесал в затылке. Да! Почитай-ка три недели Добирались мы сюда. За лесами, на угоре, Там, где чисто и светло, Над рекой стоит Егорий, То-то знатное село А какие там базары! Не базары – чистый рай. Отдадут почти задаром. Все что хочешь – выбирай! До чего мастеровиты В нашем крае мужики: Вьют веревки, ладят сита, Лепят крынки и горшки.

Деревянные подковы Приспособили к блохе. -До чего ж вы врать здоровы! И не сплюнет, хе-хе-хе! -Это мы то врать... Послушай... Коли так – давай на спор. Топором язви тя в душу, Хитрый вырежу узор. Без ножей и без стамесок Враз наличник сотворю. Я ведь, братец мой, из лесу-Слова зря не говорю. Ну а что поставишь на кон? Ставлю водки полведра, Но с условием однако: Только против топора. По рукам... В запале мастер: Вы подумайте – я вру! Нет, хозяин, не счастье Ты со мной вступил в игру. Эй, господне наказанье, Коль удвоишь ты цену, Я с закрытыми глазами Это дело проверну. И ребята обомлели, Не придут в себя никак: -Эй, артельный, ты в уме ли? -Нет, ребята, я дурак! Деловито отбирает Заготовки на резьбу. Нет. Теперь он не играет, А вершит свою судьбу. Что топор – кусок железа,

Завтра будет сразу три. А межак сказал – отрезал. Надо сделать – хоть умри! А компания распалась: Кто против, кто – то за Помогите, братцы малость: Завяжите мне глаза. И пошел топор, играя: То рисует, то поет, Что не нужно, убирает. Сказку мастер создает, Незаметно, что вслепую-Вот что значит, высший класс: Никаких движений всуе-Чисто, метко в самый раз. Между делом шутки ради Скажет вроде невзначай: -От щедрот хозяйских, дядя, Не добавишь ли на чай. Я тебе тогда ногами Все опять изображу. О себе оставлю память-Не забудешь про Межу Так –то с шуткой, прибауткой Дело он закончил в срок И хозяину: а ну - тка, Принимай, давай урок. Коль остался ты внакладе, Сам же в этом виноват, Чтоб, не бился больше, дядя, С межаками об заклад. Если я прибавил что-то, Вы простите за вранье. Всяк кулик свое болото... Вот и я хвалю свое.

ГОНЧАР

Был когда-то день базарный, Над рекой стоял туман. Подобрался враг коварный-Шайка диких басурман. И пошли они проказить: Что увидят – то в суму. Тут уж им укажешь разве? А за помощью. К кому? Выступают по базару, Озоруют по пути. Забирают все задаром Без «спасибо», без «прости». Тут один разбойный малый Ростом – с шапкою вершок, Растянулся неудало, Наступивши на горшок. Басурманин ошарашен, Закряхтев, на землю сел. Выбит зуб, и нос расквашен, А горшок остался цел. Он теперь со злобой топнул, Придавив горшку бока. А горшок опять не лопнул От чужого каблука. Удержать себя не может: -Уничтожу этот хлам. Саблю вытащил из ножен-Хрясь! И сабля пополам. А горшок здоров, не ранен, Молодцом стоит опять. Испугались басурмане И коней погнали вспять. Был базар подобным чудом, Словно громом поражен.

Это чей горшок? Откуда? Из чего сооружен? Нас избавил от напасти Враг остался в дураках. Кто же это славный мастер? Знать – носил бы на руках. Мужичонка с бороденкой В три-четыре волоска На убогой лошаденке, Поглядеть – одна тоска. Говорит в толпу несмело Так, что сразу не поймешь: Это я горшков наделал. У меня такие сплошь. Люди верят и не верят, Всех сомнение берет: -Посмотрите- и тетеря Не продаст, коль не соврет. А мужик собрал мальчишек, Дал с посудою мешки И велел: бросайте с крыши Чашки, плошки и горшки. А мальчишки страшно рады-Знайте нас – не подведем. Начала посуда падать, Вниз посыпалась дождем. Ни единого осколка, Не посуда –чистый звон. Всем базарным балаболкам Рты закрыл работой он. Просит толстая купчиха: -Ты откуда? Расскажи. -Есть деревня Лобачиха Недалёко от Межи. Там у нас такая глина!

Глине-слава, глине-честь. Ну, не глина, а малина. Поглядишь - захочешь съесть. Эта глина непростая. Не для всех секретный пласт, Не для каждого растает, Нелегко секрет отдаст. Разошлись горшки, и значит Мужичонка налегке Обмывать пошел удачу В придорожном кабаке. Ах, горшки, мои горшечки! Что тут было-боже мой1 Мужичок с одной уздечкой Чуть живой пришел домой. Все спустил: зипун, лошадку И несчитано рублей, А хозяйке для порядку Кинул связку кренделей. И с тех пор никто в народе Не видал того пласта. Все копают –глина вроде. Хоть похожа – да не та. Знать, ушла она куда-то, Может скрылась до поры. Иль повывелись, ребята, В Лобачихе гончары?..

MACTEP

Жил у нас печник когда-то, Ох, и мастер- доложу. И к нему, вполне понятно, Люди ехали в Межу. Ну, какая жизнь без печи!

Как сарай изба стоит. Печь согреет, печь излечит. Печь накормит, напоит. Соберет семью под вечер На горячих кирпичах. Так и знай: без русской печи Наш мужик давно б зачах. Знатный мастер знает цену-Наших просто не возьмешь-Поломавшись непременно, Громко вымолвит: Ну что ж. Знаем, знаем слава Богу, Каково без печи быть. Собери-ка, мать, в дорогу, Надо людям подсобить. Только, братец, с уговором: Мне под руку не зуди. Спорить нам с тобой не впору. Коль умеешь –сам клади. Кто-то думает: не штука-Эко дело-печь сложить. Это целая наука-Разрешите доложить. Мужичок глядит с тревогой: Мол, уважь, возьми что хошь. Печников в округе много, А такого – не найдешь. -Ладно, так и быть, уважу. Я ведь, чай, с понятьем, брат. Выноси мою поклажу. А мужик до смерти рад. И поедут. Путь нелегок. Почитай-ка тридцать верст. На проезжую дорогу Выезжают через мост.

Стало быть, доедут к ночи, Коли будет все путем... Рано утром мастер вскочит, Словно кто кольнул гвоздем. Помолившись быстро Богу, С головою в дело вник. Все - его теперь не трогай-Инструмент достал печник. Постоял сперва у двери, Головою покачал, А потом бечевкой мерял, Что-то мелом размечал. Разогнулся, крякнул смачно, Потянулся с хрустом, всласть. Глину вымесил и начал, Знамо дело, - печку класть. Гонит ровно, как по нити-До того наметан глаз. Солнце между тем в зените, И обедать в самый раз. Час обеда - дело свято, А обед давно готов. Средь стола стоит пузатый, Аппетитный полуштоф. Мастер взял, бутыль, отставил, Опустившись на скамью: -Знаешь, я не этих правил-Коль работаю -не пью. Дело кончим, печку сладим, Дым завьется над трубой. Уж тогда, хозяин, сядем, Знатно выпьем мы с тобой. Чтобы грела, не дымила Без износу целый век, Чтоб семью твою кормила,

Выпьем, добрый человек. Будет все у нас не худо, Погодите-дайте срок. Потерпите...А покуда Снова пляшет мастерок. Заработал молоточек. Разошелся- не унять. Тарахтит до поздней ночи. А назавтра- все опять. Послезавтра мастер снова Начинает все с утра... А под вечер печь готова, Затоплять ее пора. А хозяйка то как рада: -Ой, кормилец, будь здоров! Ровной клеткою, как надо, Наложила в печку дров .Подошел печник к окошку. Скрытно –вроде как украл-Из мешка достал гармошку, На трубу- и заиграл. Баба печку растопляет-Поскорей согреть избу. Дым по горнице гуляет И не хочет лезть в трубу. Расшумелась что есть мочи: -Ну, бездельник, погоди. А мужик над ней хохочет: -Ты на крышу погляди. Баба чуть не повалилась, Ухватилась за бока. Гармонист! Скажи на милость. Как выводит сормака. -Эй, слезай оттуда что ли, Унимайся, старый хрыч!

-Не сойду отсель, доколе Не поставишь магарыч. -Вот какой ты, право слово... И закуска, и вино-У хозяйки все готово. На столе стоит давно. Ну, слезай скорей, родимый, И хозяйке не перечь. Встал печник, и ухнув дымом. Задымила ровно печь. Крепко выпили на счастье. Поднесли не раз, не два. Обнимал гармошку мастер, Удалая голова. А наутро, правясь к дому, На деревню он взглянул. Над трубой дымок знакомый Завитком ему кивнул.

БАНЯ

Дух роняя ароматный,
Над селом плывут дымки.
День субботний и понятно:
Топят бани межаки.
Топят с толком, с добрым чувством,
Осторожно не спеша.
Это, братец мой, искусство.
Баня – то же что душа.
Вот иной тебе нажарит
Так, что гнутся кирпичи.
А потом в сплошном угаре
Хочешь парься, хошь кричи.
Не по мне такая баня.
Не мытье- зубная боль.

Вот, когда сосед сварганит, С удовольствием – изволь! Наша баня пышет жаром, Как в тумане потолок. Ну –ка, дайте больше пару Залезаю на полок. В нашей бане пахнет мятой, С кипятком шипят тазы. Дайте веник ароматный Из березовой лозы. И пойдет работать веник По спине и по бокам, Жжет ладони, Бьет колени И гуляет по рукам. Сам собой лежу исхлестан, На душе легко – легко, Будто пройденные версты Вдруг остались далеко. Это что со мною сталось?-Я такой и не такой.-С тела сброшена усталость, Словно снятая рукой. Потому порою манит, В баню просится душа. Баня, баня, чудо баня, До чего ты хороша1 К ней хожу я на свиданье В зрелом возрасте уже. Не забыть мне этой бани В огороде на Меже.

БЕЗ ГАРМОНИ НЕТ МЕЖИ

Сторона моя лесная, Ты и радость, ты и грусть,

Деловая и шальная. Как и вся святая Русь. Или горе, или радость-Полумер не знала ты. Коль плясать -так до упаду, Если петь – до хрипоты. Межевские гармонисты На ходу подметки рвут. С перебором да со свистом Всех на улицу зовут. Голосистые гармошки, Залихватский перебор. Как пойду да топну ножкой,-Зашатается забор. До утра под них плясать бы, И не хочется домой. А скажите, что за свадьба Без гармони. Боже мой! Гости пить вино устанут. Разморило... Клонит в сон... А когда гармошки грянут, Тут совсем другой фасон. Подбоченясь франтовато Выплывает теща в круг, За собою тянет свата: Не упрямься, милый друг! Окончательно проснувшись, Гости все рванутся в пляс. От души отводят душу-Не хватает только нас. Да и мы пойдем вприсядку. Разве мы не межаки?! Поддавай огня, двухрядка! Выбивайте, каблуки! Кто-то дроби сыпал об пол,-

Словно очередь - как даст! Кто -то просто громко топал.-В общем, кто во что горазд. Уходились до упаду, Как во время молотьбы... С гармонистом нету сладу-Ходит чертом вдоль избы. И гармошка огневая-Вся хозяину под стать Выдает, не уставая.-Им никак нельзя устать. А домой вернутся оба На рассвете, поутру. Эх, гармонь, моя зазноба, Жил с тобой, с тобой помру! Светлый день Преображенья-Праздник в нашей стороне. Гармонистам уваженье, Должен вам сказать, вдвойне. Что за праздник без гармони?1 Без гармони - дело пыль! Все село гуляет ноне. Гармонист, давай кадриль! Запоет гармонь, воркуя, Словно сельский балагур, Расходную межевскую Из двенадцати фигур. Это дело в нашем духе-Всем по сердцу, всем с руки Танцевать хотят старухи-Приглашайте, старики! Всех гармони собирают, Под свою подводят власть. Где-то шанского играют. Сормака выводят всласть.

Эх, гармонь, моя услада, Все, что знаешь, расскажи, Без гармони нету ладу. Без гармони нет Межи.

к читателю

Прежде чем поставить точку, На прощание скажу: Коль не веришь этим строчкам, Сам наведайся в Межу. Встреться с памятью нетленной В свете нынешнего дня И поймешь, что центр Вселенной Здесь проходит для меня.

ОДУХОТВОРЕНИЕ

В. Андрееву.

ВСТУПЛЕНИЕ

«Вот Я предлагаю вам сегодня благословение и проклятие: благословение, если послушаете заповедей Господа, Бога вашего... а проклятие, если не послушаете заповедей Господа, Бога вашего, и уклонитесь от пути и пойдете вслед богов иных...» (Втор. 11, 29)

Мой друг, пишу к тебе с волненьем, Терзаясь мыслию одной: Что будет завтра с поколеньем, Вступающим на путь земной?

Куда шагнут? В какую веру? Какой признают высшим суд? Кого возьмут себе примером И на хоругви вознесут?

Благословенье иль проклятье — Какой они шагнут тропой? Чем станет мир: Христовой ратью Иль разъяренною толпой?

И на кого вины возложат За весь свершившийся содом? Что будет Русь: блудницы ложе Или Пречистой Светлый Дом?

Я знаю: в мире нет безгрешных,

Но Русь всегда была чиста, Покуда и во тьме кромешной Не отступалась от Христа.

Ее ломали, гнули, били, Чернили, втаптывали в грязь... О палачах давно забыли, А Русь живет, благословясь.

Но снова зримо и незримо Без чести, совести, стыда Антихрист не проходит мимо, А все — сюда, сюда, сюда.

И многие ему навстречу, Красивой ложью соблазнясь, Не замечая пут зловещих, Шагнули, в пояс поклонясь.

Уже последняя отметка Терпенья Божьего видна. Не время ль обратиться к предкам, Моя родимая страна?

И не пора ль вернуться к вере, Что столько раз спасала нас? Нелегкий путь ей был отмерен... О том сегодня мой рассказ.

ДЕРЗНОВЕНИЕ

Испуганно моргая, в тесной келье Лампада перед образом горит. В углу монах, мешая в ступке зелье, Вполголоса с посадским говорит:

Святая Русь.. Такая ль уж святая? Несовместимы святость и корысть... Князья дружин науськивают стаи. Грозя друг другу горло перегрызть.

И нет конца кровавым страшным сварам. Земля родная, что же терпишь ты! — Полоны гонят по тебе татары В Орде ломают русские хребты.

Святая Русь, усердно ты молилась, Поклоны била, правила посты, Но в кулаки не добавляли силы Тебе ни покаянья, ни кресты.

А не пора ль, чтоб новая молитва Звездою путеводною взошла, Чтобы звала не в скиты, а на битву, Чтобы по духу русскою была.

Надеюсь я, что глянут по-иному Святые лики, слыша голос тот И под раскаты праведного грома На поле брани позовут народ, Набатом разнесется голос вещий Над пеплом деревень и городов, Всех русичей зовя на поле сечи — На самый страшный из земных судов.

Да будет суд, да будет пир кровавый. Падет на травы алое вино. Судите строго — вам такое право Многострадальной Русью вручено.

Пускай Чингиз в гробу перевернется, И содрогнется в ужасе Бату. Трава густая под копытом гнется, Вызванивают стрелы на лету...

Пока еще свеча не догорела, Не захлебнулась родина в крови, Восстань, сородич, на святое дело. Пречистая тебя благослови!

И в строй вступи, страх позади оставив, За Русь, что за шеломянем еси... Но только помни: это шаг не к славе, А трудный путь к спасению Руси.

И встану я, мой брат, с тобою вместе Хоть малой, но занозою врагу. Во имя долга, совести и чести Я даже невозможное смогу. Собой прикрою от пожара пожни, Под зов трубы вступлю я в стремена. Нет, я не ратай и не воин —я художник. Я телом слаб, но кисть моя сильна.

Она мне страх преодолеть поможет, Уверенностью душу укрепит. О Русь моя, я твой покой встревожу, Стряхну с тебя пыль распрей и обид.

Смелее, кисть, в неравный поединок... Ты для меня кольчуга и копье. Давай с тобой на косность и рутину Обрушим вместе мастерство свое.

Мужайся, кисть! А после... будь что будет... Не страшен мне митрополитов суд... Сиди, посадский! Очень скоро люди Тебя перед полками понесут.

—Постой, постой... Да как же это?..что же?Меня нести... а чем я заслужу?—Да не тебя, немыслимая рожа,А образ твой, что я изображу.

Ты думаешь—легко решиться, право, Тебя представить в образе Христа. Нет, нет, меня не совратил лукавый, Душа моя пред Господом чиста.

Но не оставлю, что задумал ране: Спасителя земным изобразить. Пусть Он до сердца каждого достанет, Пусть взглядом душу каждую пронзит.

Молчи, молчи... я знаю, что ты скажешь Как выдашь мне по первое число. Ты мне поверь: я вовсе не куражусь. Не дьявольское это ремесло.

Невыносимо больно, жутко, дивно, Что так рискую в наш кровавый век. Что ж до тебя—свою получишь гривну. Сиди, молчи, посадский человек!

КАЖДОМУ СВОЕ

Князь рано вышел из покоев — Еще молчало все вокруг... Вдруг на дороге... Что такое?! Монах какой – то в ноги—бух!

И этот лезет с челобитной! Неужто вовсе обалдел?! — Ступай, монах, к митрополиту, Я не решаю ваших дел.

Да встань же, встань—тебе негоже Передо мной колени гнуть.
— Нет. Мне владыка не поможет, А потоку решил рискнуть.

Князь усмехнулся; «Что ж ты скажешь? Пока я добрый, все проси». —Не о себе пекусь я, княже, А о спасении Руси.

— Ого! Немного и немало! Какой размах! А хватит сил? И впрямь, великий, не хватало. Я у народа попросил.

Да, я, плюгавенький монашек, Хоть ростом мал—душой велик Мне ничего теперь не страшно: Я посягнул на Божий лик.

Князь не сумел сдержать порыва— Вскипали яростью слова: — Не богохульствуй, долгогривый, Цела покуда голова!

Коль уступить сегодня князю, Весь труд исчезнет без следа. Монах решил ни в коем разе! Или теперь, иль никогда.

А там находка иль пропажа... Пусть кочерга, а не свеча... Исус Христос в обличье княжье Взглянул глазами москвича. Простого Ваньки из посада — Нет в нем святого ни на грош. Но он своим горящим взглядом Вдруг позовет и ты пойдешь.

Возьмешь иль меч, иль засапожник Или наточишь топоры... Нет. С этим надо осторожней... Такой хорош... но до поры.

Князь благодарен был монаху, Но не посмел его простить. Велел: «Дерзнувшего на плаху, А стяг во храме освятить.»

ВИДЕНИЕ ИНОКА

Я притомился в этот вечер, Свалил меня в соборе сон... Вдруг в полночь загорелись свечи Сами собой у всех икон.

Я догадался: это чудо Мне было явлено не зря. Два старца, словно ниоткуда, Выходят вдруг из алтаря...

И тихо подойдя к гробнице, Взывают: «Александр, беда! Настало время пробудиться — Опять на Русь идет Орда.

Восстань из гроба, Ярославич, На помощь правнуку спеши. Дерзнув, он думал не о славе, А о спасении души.

Той самой. . Русской... что от страха Не превратилась в пыль и тлен, Что, шею оторвав от плахи, Приподымается с колен.

Великий трудник и воитель — На битву двинулся народ. Вступись за правду, прародитель. Пора настала—Русь зовет.»

Поднялся он, гроза тевтонов, И вслед за старцами шагнул. Затихло все. Лишь полусонно Рассвет за окнами мигнул.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

По сторонам летела грязь, С коней текла вода... Скакал со свитой малой князь Неведомо куда.

Шли запоздавшие полки, Оружием звеня. Взглянув на них из-под руки, Он горячит коня Не поднимая головы, Торопит слуг своих... Все дальше, дальше от Москвы Уносят кони их

Смотрели ратники вдогон И не могли понять; Куда уходит спешно он, Всю Русь созвав на рать?

Играют гривы на ветру... Куда их понесло? Покинут только поутру У Троицы седло.

Едва обедня отошла, От воевод гонец Мешком свалился из седла, Измученный вконец.

«Беда, великий князь, беда! Гляди, не опоздай. Идет-спешит на Русь Орда, Ведет ее Мамай.

На Семиона до Кремля Грозит добраться он. Горит и корчится земля. Повсюду слышен стон.»

Заторопился Дмитрий-князь... Но вдруг раздался глас: «Не торопись. Благословясь, Потрапезуй у нас.»

Игумен Сергий—взгляд с мольбой, Исполненной тревог... Великий князь спешил на бой, Но отказать не смог.

Лишь только сели за обед, Чтобы набраться сил, С небес пролился мягкий свет, И старец возгласил:

«Судьба нелегкая твоя Превратностей полна. Верь: скоро будет — вижу я — Повержен Сатана.

Но много скорби для Руси Победа принесет. Благословляю! Русь спаси. Господь тебя спасет.

Я на себя приму твой грех, За убиенных боль. У Бога вымолю для всех Небесную юдоль.

Благословясь, ступай, мой свет, Полки приказа ждут. В поход с тобою Пересвет С Ослябею пойдут.

Два чернеца — богатыри Из брянских из бояр. Какие вои —посмотри! Прими как Божий дар!»

Забыл Димитрий про еду, Что стыла на столе... Свершиться Божьему суду! Московской жить земле!

Перекрестясь на Божий храм И старцу поклонясь, Коня навстречу всем ветрам Погнал великий князь.

Из-под копыт летит вода... Земля глядит с тоской. Еще никто не знал тогда, Что скачет князь Донской.

«АЩЕ ИЗЫДЕШИ...»

«Аще изыдеши ополчитися на враги твоя да, сохранишися от всякого зла»

(Второзак. 23, 9)

Что за алый свет в небесах горит? Что за грозный гул над землей стоит? То ли зори в крови умываются? То ли птицы на юг собираются? То ли боги ворчат с неба грозами? То ли звери бегут с Бела-озера? Но не время заре умыватися, Рано птицам на юг собиратися. Нет, не боги ворчат с неба грозами И не звери бегут с Бела-озера. То идет-спешит сила ратная, На ветру звенит сталь булатная. Изо всех краев, ото всех концов Шлет святая Русь удалых бойцов Разна звания да сословия Смертный бой принять за Московию. На татарскую силу черную Поднялася Русь непокорная. На конях сидят люди важные, В лапотках идет голь сермяжная. У кого мечи, копья длинные, А иной идет лишь с дубиною. Как под городом под Коломною Стала лагерем рать огромная. То не звезды на небе сбиралися, А костры в ночи загоралися Вот костер горит — пламя знатное, А вокруг сидят люди ратные. В стороне от них — наособицу Старый песенник петь готовится. Старый песенник, плоть Боянова. Песню древнюю спой нам заново. Затаивши дух, мы послушаем Песню славную про минувшее.

ПЕСНЯ СТАРЦА

Не начать ли нам песню, братия? Песню старую, песню добрую Да про воина, про Евпатия. Про дружину его да про хоробрую.

Ой Рязань, Рязань .. дым пожарища... Не дадим тебе рухнуть-выгореть. Коловрат спешит со-товарищи, Только долог путь от Чернигова.

Хоть спешили они в дальню сторону, На борзых конях мчали стрелами Их встречала Рязань стаей воронов По-над трупами обгорелыми.

Застонать бы мне да не стонется... Сторона ль моя, ты, сторонушка... Ой вы, гой еси. добры молодцы, Воротите ей красно солнышко.

Ты, Батыга-хан, семя катово, Ты почто пришел в землю русскую? Ставьте, воины коловратовы, Гостю выпивку да с закускою.

А мечи у вас разудалые Пусть споют ему песню длинную, Окропят его кровью алою Да уложат спать под осиною.

А туменов его стаи дикие, Что пришли сюда к нам непрошены, Порастут в степи повиликою, Словно страшный сон сгинут в прошлое.

Велика рука Хостоврулова, Что котел, башка великанова. Разломилося страшно тулово И с борза коня в небыль кануло.

За погубленных, за поруганных Поднялась рука Коловратова, И шарахнулась перепуганно Злая рать-орда супостатова.

А Батыга-хан пышет злобою, На татар своих все ругается: «Ах, бараны вы крутолобые! Это воины называется!»

Но и сам дрожит злой Батыжина, Хоть на воинов грозно пыжится. Выжигать велит, что не выжжено. Убивать велит всех, кто движется...

А Евпатию со товарищи Гимн поет степь широкая.. Ой Рязань, Рязань.. дым пожарища.. Ой вы, воины сероокие...

Так вступите же в стремя, братия,

Подымайтеся, люди добрые! Отомстить пора за Евпатия, За дружину его за хоробрую.

«ВЗБРАННОЙ ВОЕВОДЕ ПОБЕДИТЕЛЬНАЯ»

Скоро рать из виду скроется, И святыми станут грешные... Плачут жены за околицей, Убиваются сердешные.

На колени тут, как водится. В землю лбами бьются истово. «Ты спаси их, Богородица! Дай победу им, Пречистая!

Сохрани их силой праведной. Проведи сквозь испытания. Пусть побитых, пусть израненных, Но не дай на поругание.

Выдь на небо красным солнышком, Освети им путь-дороженьку, Осуши ты наши слезушки, Ослепи полки ворожие

Пресвятая, Бога рождшая, Спрячь в тумане силу русскую. Заступи гостям непрошенным Все пути и тропки узкие. Не оставь своею милостью, Матерь Божия, Пречистая, Дай нам сил страданья вынести, А мужьям в сраженье выстоять.

Вороти их, Богородица, Во родимый край с победою...» И сегодня плачут, молятся... В стороне какой не ведаю.

РЕШЕНИЕ

Уже вползли гигантским осьминогом На Красный холм Мамаевы войска — Великий князь решительно и строго Велел позвать боярина Бренка.

Пришел боярин. Князь вздохнул устало И на глазах у изумленных слуг Шлем золоченый, наручи, зерцало Снял, аккуратно положив на луг.

Себе спросил обычную кольчугу. Шелом железный да булатный меч, А в княжеское, поднятое с луга, велел Бренка немедленно облечь.

Боярин, ничего не понимая, Повиновался, молча поклонясь. И доносили темники Мамаю, Что на холме стоит московский князь.

А князь Димитрий, встав посередине, Решил сражаться словно рядовой. Его просили: «Слушай, господине! Ты должен быть над нами головой.

Бросаться в сечу без ума не надо. Не доводи, родимый, до греха. Мы без тебя останемся, как стадо, Пред стаею волков без пастуха...»

А он в ответ сурово сдвинул брови И покачал с укором головой: «Прольются нынче реки русской крови, Бог знает, кто останется живой

А я, людей на гибель обрекая, Стоять спокойно должен на юру? Нет, не под силу мне судьба такая. Уж лучше смерть со славой на миру.

Я все решил—и кет путей отхода, Взывает Русь: умри иль победи... Войска ж держать князьям и воеводам. Ну, а потом... Господь меня суди...»

«СИМ ПОБЕДИШИ.»

Прохладой тянет от реки. Заря огнем горит. Застыли русские полки: Димитрий говорит:

«Отцы и братия мои, Настал суровый час. Для многих нынче соловьи Поют в последний раз.

Земная птаха соловей... У нас же путь иной: За чистоту святых церквей Сегодня вступим в бой.

Объединятся дух и плоть В стремлении одном... А дальше... знает лишь Господь..- Но я не о земном.

Такая смерть - для нас не смерть, А вечное житье. Горит заря — открыта дверь. Шагнемте же в нее.

Не время много рассуждать — Татары за холмом. Примите Божью благодать И сердцем, и умом.

Я верю вам, я верю в вас. Господь вас всех спаси. Друзья мои, подходит час... Не посрамим Руси. Нам умереть иль победить — Другого не дано... До дна сегодня будем пить Кровавое вино,

Кому похмелье тяжелей, Узнаем ввечеру... Взлетают стаей журавлей Знамена на ветру.

Я с чистой совестью иду
И смерти не боюсь,
Но верю — сокрушим Орду —
За нами Бог и Русь.»

СВЯТЫНЯ

Я век не забуду: увидел вдали: Что-то мальчишки топтали в пыли. Я ближе—и понял: обрывок холста. —Зачем вы, ребята? —Мы топчем Христа! Мне вдруг показалось: ослышался я. Такое бывает со мною, друзья. И вновь задаю тот же самый вопрос. -Да что вы не верите? Вот он, Христос! Один подает мне, поднявши с земли —У бабки Матрены в чулане нашли. —Все это неправда, поповский дурман,— Серьезно добавил другой мальчуган,— Ну, бабке простительно—слишком стара, А нам с ним давно рассчитаться пора. Но бережно я отряхнул полотно, И словно бы ожило сразу оно.

Шагнул с полотна огнедышащий век-С иконы глядит на меня человек. Глядит сквозь столетья—во взгляде мольба, Навечно застывшая чья-то судьба... —Да это не бог, а сосед мой Матвей. С войны не дождавшийся трех сыновей. —Послушайте, дядя, какой там сосед! Хоругви поболе полтысячи лет! —Откуда узнал ты названье ee? А возраст... наверное, это вранье... Да бабка Матрена твердит всякий раз, Что предок далекий хоругвь эту спас. Привез ее с битвы большой на Дону, Где РУССКИЙ ГОСПОДЬ победил Сатану. —О битве такой вы не знать не могли Во имя спасения РУССКОЙ ЗЕМЛИ Зачем же топтали? —Не верим ничуть Мы в эту поповскую белую муть! А Дон и Непрядва—так там же Донской, И вовсе совсем не господь никакой! Я мигом к старухе... —И правда, сынок, Под этой хоругвью сражался Бренок. Татарам была она смерти страшней, Батыры упрямо гонялись за ней. Не раз и не два ускользала она, Но в битве жестокой была сражена. Татарин за пазуху прятал трофей, Но тут на него налетел Ерофей, Наш предок далекий, силач, удалец И ратник бывалый, и знатный кузнец. Сталь, словно в масло, в тело вошла,

И бусурманин свалился с седла. Выхватив холст из слабеющих рук, Сам Ерофей его выпустил вдруг. Что ж. Ерофей, ты неловкий такой? — Падает знамя вместе с рукой. Раненой птицей метнувшись к холсту, Левой его подхватил на лету. Крепко к обрубку прижал полотно. Стало в глазах отчего-то темно... Лишь после битвы в крови и пыли Содруги нашего предка нашли. Грудь кузнеца подымалась едва. Плакала кровью густая трава... Смерти увидев звериный оскал, Жизнь уходила, а он не пускал. Рукою единственной крепко держал, Хоть на траве полумертвый лежал... Вот так-то, касатик, такие дела— Хоругвь эта нашего предка спасла. А он ее, вырывал из рук Сатаны, Целой донес до родной стороны, Иконы убрал из святого угла: Спасенная гостья его заняла. А вскорости сам занемог от тоски— Оно и понятно—кузнец без руки. И дал перед смертью он детям наказ: Святыню отцову беречь пуще глаз... И внуки, и правнуки шли в кабалу... Висела икона в переднем углу. Лишь младшенький мой, не суди его Бог, Спокойно смотреть на икону не мог. Историю эту он слышал не раз... —Ой мать, ну кому это нужно сейчас?

В космос летает давно человек,
А ты вспоминаешь какой-то там век.
Предок сражался что из того.
Молиться мы что ли должны на него,
Как молишься ты на гнилое тряпье?
И я уступила—он вынес ее.
Выходит, я память свою предала.
Вот так-то, касатик, такие дела.
А те пострелята... Ну что с них возьмешь?..
Не этому учат теперь молодежь.
Не думай, что выжила—слишком стара,
Давно вам назад оглянуться пора,
Когда оставаться хотите людьми...
А эту иконку.. на память... возьми...

ВЕРУЮ

(заключение)

Меркнут мирские розмыслы Мерно горит свеча... Я обращаюсь к образу Спаса с лицом москвича

Господи Вседержителю! Стихи за молитву прими. Лежат средь Руси воители В могилах, забытых людьми.

Топчем ногою безжалостной Прошлое родины мы. Боже, верни нам, пожалуйста, Души, сердца и умы.

Знаю: святыни попраны. Вижу: греховен путь. Все за грехи отобрано. Но будь милосерден. Будь...

Господи, Русь великая Там зачалась, на Дону... Ныне отродье безликое Тешить взялось Сатану.

Пенится зелье лукавое, Все заливая вокруг. Господи, чашу с отравою Выбей из алчущих рук.

Платит мое поколение За безрассудство отцов. Боже, пошли отрезвление, Выведи к свету слепцов.

Вырви святыни ложные, Истинные — спаси. Господи, Боже мой, Единство верни Руси.

Праведным дай терпения, Сквозь тернии проведи... Даруй Руси воскресение. Гос-по-ди! Господи Вседержителю! Что ты ответишь мне? Смотрит Господь пронзительно С образа на стене.

Значит, не все потеряно— Выберемся из тьмы... Свято надеюсь и верую, Что возродимся мы.

январь 1985 — февраль 1998 г.

СПАСИ И СОХРАНИ

Не постичь мне тайны мирозданья, Не сорвать таинственный покров-Просто так иль по чьему заданью Мы приходим из других миров? Что влечет нас? Леньги или слава? Что мешает людям стать людьми? Помоги нам в этом, Боже правый! Нас, во тьме бредущих, вразуми! Мы считаем прибыль и убытки, Мы богатства копим про запас? Неужели кто ведет по нитке, Словно кукол, неразумных нас? Мы идем, тела и души раня, Всем, кто повстречался на пути, И не ясно: за какие грани В слепоте способны мы зайти. Ни в Христа не веря, ни в Трояна, Мы бредем в навозе и в крови. Господи, прости нас окаянных, Неразумных нас останови! Оборви невидимые нити, Что несут безверие и зло, Отведи от русичей, Спаситель, Вороново черное крыло. Сколько нам брести во мраке ночи? Сколько биться в темное стекло? А вокруг неистово хохочут: «Посмотри –давно уж рассвело». Только я, друзья, не верю в это, Что пришел конец кромешной мгле, Ощущенье мнимого рассвета Многих обмануло на Земле.

В душе и в сердце бездорожье, Не вижу твердого пути, Перемешалась правда с ложью. Что делать? Господи, прости1 Все так нечисто, так непрчно, И настроенье в унисон. Стал повторяться еженочно Нелепый и кошмарный сон: Барахтаюсь в смердящей луже. Уже пускаю пузыри. А с берега: «Кому ты нужен? Не можешь плавать – так умри! Или в обход иди, сторонкой, Поосторожнеее, бочком. Коль разговаривать – негромко. А лучше все-таки молчком». А я кричу: «Не тот мессия! Явилась правда, да не та». Непредсказуемость России Забыл, простая простота. Ее неистовая сила Порой безумною была, Непокорившихся косила И самозванцев возносила, И все прошедшее кляла. Шалела, обрастая грязью Металась дико, как в бреду. Кого-то возводила в князи, Кому-то кликала беду. И мне накликала несчастье, Припомнив прошлые слова, Дохнула ненасытной пастью... И закружилась голова. А с берега кричат: «Собака!

Иуда ты, Искариот! Сперва полез-теперь заплакал! Да, он же, братцы, коммуняка. Пускай себе на дно идет» Нет, не надеюсь я на чудо, Не верю я говорунам. Вот только, кто из нас Иуда, Судить, я думаю, не нам. А грязь покрыта, как в болоте, Ярко-зеленою травой, С травы не всякий поворотит И не увязнет с головой. И выбраться из этой грязи Мне в одиночку не дано, Покуда новый Стенька Разин В мое не постучит в окно. Вдруг, прерывая, наважденье, Кошмарный сон уходит вмиг, И наступает пробужденье, Как будто новое рожденье, Как будто первый детский крик Но грязь в душе...Она осталась Ее ничем не превозмочь. Неимоверная усталость... И снова ночь...

* * *

Какие-то темные тени Носили дрова до утра И падали глухо поленья В суровое тело костра. Росла неуклюжая груда, Пугая прохожих окрест, И вдруг неизвестно откуда Явился чернеющий крест.

Не видно на нем позолоты, Камней дорогих в серебре, Но было зловещее что-то В слезах на сосновой коре. Все ярче рассветные краски. Все громче сигнал петуха, Исчезли и тени, и маски, Подальше уйдя от греха. А грех в провявшей темнице Тихонько, цепями звеня, Неведомо сколько томится Без пищи, воды и огня. Стихи иль молитву невнятно Читает и ночью и днем, Поверьте, совсем непонятно: Ну что же греховного в нем? Он не был ни катом, ни вором, Не брался за нож и кистень, За что же глухие запоры И смерти зловещая тень? За что же при свете лампады Читают ему приговор? Скажите: кому это надо: Его возвести на костер? За то, что он выпал из хора И мыслит со всеми не в лад. А кто был отцом приговора? Случайно, не Понтий Пилат? Пускай никого не обманет Напыщенных слов суета И то, что безбожник в сутане Назвался слугою Христа. Кричат мне: Окстись, греховодник! Не трогай далекой поры!» А разве в России сегодня

Горят не такие костры? А сколько безвинно распято В Отечестве душ и сердец! Боюсь, что в России пилатам Не скоро наступит конец. В юродстве предела не зная, Казенным грозя топором. Россию они распинают Над черным зловещим костром. Россия на старца похожа Молитвы твердя и стихи. На муки великие может Пойти за чужне грехи Звучат фарисейские песни Рыданьям и плачу в контраст. Но верю-Россия воскреснет И всем по заслугам воздаст.

* * *

Стояла церковь на горе В моем краю лесном, привольном И всю округу на заре Будила звоном колокольным. Красою веселила глаз, Молитвой душу утешала... Но вот пришел тяжелый час Она кому-то помешала. Явились злые мужики, Пропахшие вином и потом. Ругаясь грязно, чужаки С крестов срывали позолоту. Тащили все из алтаря, Святых на муки выносили. И кровью плакала заря. И кровью плакала Россия.

Под крики голосящих баб Огню иконы предавали. А новоявленный сатрап Стоял в сторонке, зубы скаля. И было даже невдомек Ему задумываться вовсе: Куда он сам себя вовлек? Людей в какую бездну бросил? Ему воздаться все сполна. За горькую людскую драму... А над погостом тишина Да скорбные останки храма. О, сколько храмов на Руси Лежит застывшей черной тенью. Взывая: Господи, спаси От равнодушья и забвенья!» Святые гибнут родники, Затянутые смрадным илом, И пауками сорняки Ползут по брошенным могилам. Я на колени упаду У церкви, у ее останков, Готовый к Божьему суду, Не за себя молиться стану. Просить я буду «Не карай Своим забвеньем, Боже правый, Мою Россию, отчий край, За грех воистину кровавый. Ты нас довольно наказал Утратой память, о Боже. Сегодня на большой вокзал Вся наша Родина похожа. А мы скитаемся по ней С чужой фальшивящею лирой, Оторванные от корней,

Не жители, а пассажиры. Одни, заслышавши гудок, Куда-то мчаться по платформе, Всех встречных сваливая с ног, А что?! Сегодня это в норме. Другие создают уют, Нелепый, временный, вокзальный, А эти пляшут и поют, Хватив перед дорогой дальней, Не жизнь – сплошной торговый ряд Орет и спорит бестолково, Здесь продается все подряд: От носовых платков до слова. Но не найти, я знаю, мне На этом торжище пропажи. Сегодня память не в цене, А потому и нет в продаже. Прошу: «Спаси и сохрани»! Молю я, Господи, о чуде, Святую память возверни Вконец изверившимся людям.

* * *

Змеи искусители, Господи, прости, Храм Христа Спасителя Решили возвести. Сила сатанинская, Все наоборот, Поле Бородинское-Чем не огород? Смотрим озадаченно: Что произошло? Именными дачами Поле поросло. Что-то слава русская Нынче не видна, За вино с закускою Продана она. Видишь: над могилами Ни крестов, ни роз. Кто-то машет вилами, И летит навоз. Ну, а что радетели? Их не прошибешь. Ищут благодетелей, Просят медный грош. Все прилично, вроде бы, Сбор идет на храм, Только за юродивых Не сойти ворам.

* * *

Жил да был себе юродивый На затворках у села. Никого не трогал вроде бы, Никому не делал зла. Помолясь на храм заброшенный С колокольней без креста, Тихо брел, прося по грошику У людей - ради Христа. Но теперь не то, что ранее: Божьи люди не в чести. Так что вместо подаяния Матом могут понести. А еще собак науськают-Не ходи и не проси! Да неужто ж мы не русские?! Иль живем не на Руси?! Коли так, мы быстро свалимся

В бездну, Господи, прости. Или злобою подавимся, Захлебнувшись по пути. А в траве за огородами, Слово к Богу обратив, Со слезой ведет юродивый Раздирающий мотив: «Тяжела моя дороженька, Разобижен я людьми. Помоги мне, добрый Боженька, Научи и вразуми. Что я делал нехорошего, Побираясь по дворам?! Я не тратил эти грошики, А копил на божий храм» Ой вы, деньги, деньги медные, Потом политые сплошь. Русь святая, заповедная... Так похожая на грош. Грош – монета незавидная По названию и честь, А сравнение обидное-Ну, уж тут, что есть, то есть. Но поверьте, православные, Знаю я наверняка, Медный грош монетой главною Был всегда для бедняка. А случится что блаженные К бедняку зайдут. И что ж? Божим людям с уважением Он отдаст последний грош. Где та Русь? Сквозь землю канула. Не вернешь, не возродишь. А сегодня полупьяная

Всем показывает шиш. Что ты смотришь, окаянная! На разбой из под руки: У блаженького пьяные Утащили медяки. В лопухах за огородами, Не скажу, в каком селе, Тихо кончился юродивый На порватом кошеле.

* * *

Среди ночи взметнулось пламя Над бревенчатою избой И безжалостными языками Все слизнув, унесло с собой. Слишком поздно проснулись люди. Если б раньше...хотя б на миг... Долго слышался в огненном гуде Раздирающий детский крик. А потом чернота угольев... За околицей крик воронья... И шептали женщины с болью: «Боже праведный!...Вся семья!» А под утро явились оба: Мама с папою тех малышей. Папа громко икал утробно, А у мамы рот до ушей. Мама с папой не вяжут лыка, Мочи нет над костями кричать. Вместо горя хмельная улыбка, Словно Каинова печать. Постояв, поплетутся снова, А куда, утверждать не берусь. Боже правый, спаси от такого Нашу бедную матушку Русь!

* * *

Куда бредет сегодня Русь, Не зная ни границ, ни сроков? Нет, предсказать я не берусь, Не выйдет из меня пророка. Не в этом вижу жребий свой, Склоняясь над листом устало А предсказателей с лихвой И без меня всегда хватало. А мне нелегкий крест нести Держа в руках суму и книги. Они сегодня не в чести И так похожи на вериги. Взываю: «Господи, спаси Нас всех: зеленых, белых, красных! Быть может, это все напрасно... Но я скитаюсь по Руси.

> 1992 год с. Георгиевское

РОЖДЕНИЕ СЕЛА

И ночью, и днем, не считая часов, В краю позабытых селений По хмурым дорогам заволжских лесов Шел с посохом инок Парфений. И не было с ним ни ножа, ни меча, Лишь складень простой, да из воска свеча. Порою он шел без дорог, напрямик, Питаясь лесными дарами. Водою ж холодною каждый родник Охотно поделится с вами. А за лежавший в котомке топор Ни разу не взялся монах до сих пор. Давала земля ему место для сна, Зверье уступало дорогу, И зыбкий покой берегла тишина На время общения с Богом. Чем дальше дорога, тем глуше места. Понятно, пришел он сюда неспроста. Однажды, взойдя на высокий бугор, Увидел он царство покоя. Привольно сосновый раскинулся бор Над быстрой и чистой рекою. Над вечным покоем стоит тишина, Какая для Божьего дела нужна. Отшельник Парфений молился с утра Особо усердно сегодня. Означил раскатистый стук топора Работу во имя Господне. Янтарной слезою стекала смола. Сосновая келья заметно росла. Где было начало, там будет конец, И каждый найдет, что он ищет.

Вот в срубе уложен последний венец И крышей накрыто жилище. Весь быт чернеца удивительно прост: Лишь бденья ночные, молитва да пост. Хоть подвиг подобный не всем по плечу. Но люди искали дорогу. Сходились: кто просто поставить свечу, А кто для служения Богу. Года пролетают, меняется вид – И келья отшельника выросла в скит. Но вот разлетелась людская молва, По всей раззвонила округе: В обители строится Храм Рождества, Нужны там рабочие руки. Моментом смекнули окрест мужики, Что дело такое им очень с руки. И разом народ потянулся сюда, Услуги свои предлагая. Вот встала на склоне одна слобода, А к ней прилепилась другая. Такое нередко случалось тогда – Росли, как грибы, на Руси города. Немало воды с той поры утекло, Исчезло, восстало из праха, Но носит до ныне родное село Пресветлое имя монаха. Суровое время не властно над ним, Пока его бережно в сердце храним.

живи и помни

памяти комсомольца-героя Игоря Игнатьева

Нас всех рожали матери, Рожая в муках корчились. Они дорогу скатертью По жизни нам пророчили.

Но нет путей нахоженных И судеб нет предсказанных. А жизнь, как, песня, сложена У каждого по - разному.

Она, одна, единая, Неброская иль яркая, Короткая иль длинная, С цветами и помарками,

То светлая, то темная, То плачет, то печалится. У тех, чья песня скромная, Сердечней получается.

Они, как правду- истину, Мотив неброский вывели И голосами чистыми Ни разу не сфальшивили.

Они живут по совести, Сердцами к людям тянутся. Их радости и горести В наследство нам останутся.

ШАХТЕРСКИЙ РАЗГАВОР

Накурено в комнате тесной. Туманно, хоть вешай топор. Идет деловой, интересный Шахтерский мужской разговор:

- Да мы ничего, ещё в силе.
- Коль сказано- дело верняк.
- А ты позаботься, Василий,
- Чтоб во время был порожняк.

Придется натужиться, братцы, Ведь это ж рекорд - не пустяк. - А может, не стоило браться? Спросил краснолицый толстяк.

Ему не ответив ни слова, Друзья посмотрели в упор. - Ну что вы, ребята, ну что вы! Да я это так, в разговор.

Нет, Вася, ты только послушай, Что вывернул этот сучок. Ишь, струсил, язви твою душу. Силёнка не та? Горнячок!

В прокуренной комнате душной Беседа идет про дела. Хозяйка, ворча добродушно, Сквозь облако дыма прошла.

Опять завели, зарядили. Начнете- не видно конца. Ах, аспиды, как начадили, Совсем задушили мальца. Шахтеры следят виновато За облаком сизо — седым И тщетно ладони - лопаты Гоняют по комнате дым.

Василий кивает на сына: С мальчишками просто беда... Ах, чтоб ты... лихая година... Ну как ты пробрался сюда?

- А я в уголке возле печки
Присел по тихоньку, вот здесь.
- И весь разговор до словечка
В засаде ты выслушал?
- Весь.

Готовы пропасть от конфуза, Что гнули отборную вязь В царя и в бубнового туза И в разную прочую мразь.

Преподали парню науку Вот это рекорд так рекорд. Ну, в общем, веселая штука... Нечистый попутал... ах, черт...

Глядят на мальчишку в смущенье: Мол, парень, на нас не серчай. Ну, было. Ну, просим прощенья, Коль вырвалось что невзначай.

А он, позабыв все на свете, Шахтерам заглядывал в рот. Да разве он что-то заметил..., Какой там дурной оборот.

Шахтеры, забои, рекорды, Работа – всему голова, Большая рабочая гордость – Вот это слова, так слова.

Он их изучал не по книжкам. Он с ними с пеленок знаком. Спросили: «Кем будешь, парнишка?» А кем еще? – Горняком.

И буду я ставить рекорды, Когда подрасту –дайте срок. Все выпалил звонко и твердо, Как будто ответил урок.

Замолк. Только красные уши В углу от смущенья горят. Вот это заявка, послушай, Во выдал мальчонка заряд.

Добреют шахтерские лица: Эх парень, такое изрек... Придется, друзья, потесниться... Ну что же давай, Игорек.

- Неплохо, что парень ты смелый, Коль высказал, стой до конца, Иди на хорошее дело, Но прежде послушай отца.

Рекорд – это, братец, не штука. Ну, слава, ну деньги, почет, Не в этом я вижу науку, Не в этом горняцкий расчет. И главное тут не награда, Не деньги причина ему. Поверить в товарища надо, Поверить себе самому.

И нос не задрать при удаче, На всех не смотреть свысока. Собой оставаться. Иначе Уронишь ты честь горняка.

А честь, брат, немалого стоит – Уронишь – потом не поднять. Ты правило это простое, Сынок, постарайся понять.

Я ВАС НЕ ПОДВЕДУ

Ходил за мною по пятам, Преследовал, как тень, Встречал меня, то здесь, то там Мальчишка каждый день.

Он мог часами ожидать, Под проливным дождем. И всякий раз ребячья рать Шла за своим вождем.

Подходит, помню как сейчас, И просит на ходу, Меня к себе возьмите в класс, Я вас не подведу.

Ватага вслед за ним идет Моих озорников: Возьмите, он не подведет! Он знаете каков?

Да знаю, Знаю, потому, Что слишком знаю вас. Его к себе я не возьму – И вот вам весь мой сказ.

И без него вы на подбор, Компания – беда. На педсоветах разговор – Сгораю от стыда.

Наутро заново пошло, Едва вы на порог. Опять разбитое стекло Иль сорванный урок.

А Игорь мне: -Порядку быть, Когда я в класс приду. Придется вольницу забыть. Я вас не подведу...

Сама не знаю почему, Признаюсь честно вам, Я вдруг поверила ему, Его простым словам.

В душе сказала: -«Что же, пусть, Семь бед – один ответ» Ну, а для виду не сдаюсь И отвечаю: «Нет».

Назавтра снова все опять. Упрямо день за днем. Я в класс его решилась взять И не ошиблась в нем. Он стал хорошим вожаком, Помощником в делах. Большая сила воли в нем Уже тогда была.

Читатель спросит: «В чем секрет Упорства и огня?»
- Ирина – так зовут ответ – Училась у меня.

ВЕЧЕРИНКА

Иринка, милая Иринка, Все было будто бы вчера... У молодежи вечеринка. Веселье льется со двора.

Гитара весело хохочет И вырывается из рук. Сама взорваться танцем хочет И каблучком ударить в круг.

А сколько песен перепето И все прочитаны стихи. Когда ж в предчуствии рассвета Загомонили петухи.

Вдруг странно вздрогнула гитара, Остыть от ритмов не успев, И завела забытыйй, старый Шахтерский горестный напев.

Слова тревожные, как стоны, Мотив протяжный, словно вой: «А молодого коногона Несут с разбитой головой».

Вдруг тишина, одевшись в саван, Дохнула шахтою сырой. - Ну что ты, Игорь! Что ты право. Испортил праздничный настрой.

Никак не можешь ты иначе, А слушать выше всяких сил. Вот и сегодня снова начал. Скажи, ну кто тебя просил?

Вот так всегда. Какой же вредный,-Ирина глянула на мать. - Да это ж песня наших дедов. Не надо так воспринимать.

- Не убедишь тебя, хоть тресни! Я умоляю: пощади. Когда услышу эту песню, Все обрывается в груди.

И не могу заснуть, поверьте. Такое чувство: вдруг умру Слова и ноты пахнут смертью, Напев тоскливый не к добру.

Да не расстраивайся, Ира, Забудь печальные слова. Давай – ка дело кончим миром. Не буду больше. Ты права.

И снова, вспыхнув вечеринка Не затихала до утра. Иринка, милая Иринка, Все было будто бы вчера.

БЕДА

Нас беда не извещает О своем визите, друг. И кого не навещает-Все внезапно, сразу, вдруг.

И когда, узнай, поди –ка Горе встанет у дверей... Кровля дрогнула от крика: Там пожар...бежим...скорей.

Страх в делах плохой помощник, Страх и ум – слова –враги. Уж чего б, казалось, проще: Видишь пламя – и беги.

Укрывайся, кто как может, Рвись на свежую струю Здесь уже свое дороже, Каждый жизнь спасай свою.

Но клянусь вам терриконом И отбойным молотком – Кто живет таким законом, Век не станет горняком.

В шахте он работал даже, О себе хвастнуть востер. При его солидном стаже. Он, ребята, не шахтер.

В шахте правило из правил: Друг ты, недруг – все равно. Чтоб шахтер в беде оставил, Быть такого не должно. А огонь ползет угрюмо, Оставляя дымный след. Что же делать? –Горный думай! К телефону – связи нет.

Собралась в кружок бригада: Братцы, слушайте меня. Уходить отсюда надо, Выбираться из огня.

Каждый в свой самоспасатель По инструкции включись. Там друг друга не бросайте. Так. Вперед. Не горячись.

Командир суров и краток. От друзей волненье скрыв, Сквозь огонь идут ребята, Взвод уходит на прорыв.

Игорь свой самоспасатель Со спины рывком берет. Вот седьмой пошел...десятый... Крайний двинулся вперед...

Но последний что – то ищет, Все взъерошено на нем. Где же твой прибор, дружище? Там остался за огнем.

Тут не время для беседы — Говори не говори. Эх ты, парень, в бабу, в деда, Растерялся, Растерялся. На, бери.

Так вот сразу, без раздумий – И не думал, не гадал – Умер? Вроде бы не умер: Жизнь другому передал.

ТРИ ШАГА

Горный мастер И.В.Игнатьев, находясь в ааврийной ситуации, проявил мужество и выдержку: вывел людей из тупиковой части выработки через участок пожара, несмотря на то, что остался без средств индивидуальной защиты, принял меры по ограничению распостранения метана, чем предупредил взрыв.

(Из официального документа.)

Вот прокатилась по небу звезда. В небытие исчезла навсегда. В мгновенье ока догорев дотла, Все, что имела, людям отдала.

Во тьме кому – то осветила путь. Вздохнула силы в стынущую грудь, В мороз согрела путника теплом И вдруг пошла сквозь бури напролом.

Вмиг небосвод покинув голубой, Рванулась вниз. В задымленный забой. Она туда направила свой бег, Где бился со стихией человек.

Шальной огонь, отбившийся от рук, Что только мог, все пожирал вокруг. Все без пощады на пути губя. Последний воздух втягивал в себя. Закрыты отступления пути, И человеку некуда уйти. Но в сердце ярко вспыхнула звезда. Она звала. Она вела туда.

Где из подземных трещин, щелей – ран Змеей коварной выползал метан, Все страшным взрывом сокрушить грозя. Метан к пожару допустить нельзя.

И человек поднялся в полный рост. Он мог легко рукой достать до звезд. Но тяжелей, поверьте, во ста раз Пожарный кран открыть ему сейчас.

Полшага, шаг.. потом еще один. Куавлдой сердце бухает в груди. Три шага в огнедыщащую пасть. Три шага – только б не упасть.

Перед глазами красные круги-Так тяжелы последние шаги! Они не повторятся никогда, Твои три шага...Хлынула вода...

СЛОВО О МАТЕРИ

Над могилою женщина плачет, Птицей раненой сжавшись в комок, -Неужели не мог ты иначе? Что нам делать теперь, сынок?

Я для жизни тебя рожала, Ты ж покинул нас навсегда... На ресницах ее дрожала Материнской слезой беда. На лице проступили морщины, Словно тени печальных строк. Ты уже настоящий мужчина, Не боящийся трудных дорог.

Но зачем на крутом повороте Взял на плечи чужую нужду? Жизнь одна – ничего не воротишь, Только я все надеюсь и жду.

Бесконечно надеюсь и верю, Что наступит весенний рассвет. Вдруг однажды откроются двери И ты скажешь: «Мамуля, привет!»

Потому то не сплю я ночами, Хоть валюсь от усталости с ног-Все тебя, мой родимый, встречаю Приходи поскорее, сынок

Ты увидишь, что все здесь в порядке, Все здоровы: друзья и родня. Иногда забегают ребятки: Не забыли старуху меня.

Появись у дверей, мой хороший, Дорогая кровинка моя. О тебе вспоминает Алеша. Ира тоже сама не своя.

Ей вослед улыбаются криво: Молодая...собьется с пути. А на шахте то не было взрыва. Я о главном забыла, прости.

Ты не к деньгам стремился, не к славе, Людям нес, что имел, Игорек, Ничего для себя не оставил, Даже сердце свое не сберег.

Для чего же мучительно трудно Этот крест материнский нести. Ну не буду, сыночек, не буду. Я уже и не плачу почти.

Над могилою женщина плачет. Слез немало она пролила. Если б смог ты, сыночек, иначе, Я б навеки тебя прокляла.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В КОМНАТЕ № 517

«Игорь жил в 517 комнате. Теперь в ней первокурсники... Пусть знают и помнят – до них здесь жил отличный человек.» (В.И.Гондаденко, помощник декана горного факультета Коммунарского горнометаллургического института)

В комнату обычную За собой ведет Первокурсник сбивчивый-Наш экскурсовод.

Говорит: -Запомните Все, до мелочей: Здесь, вот в этой комнате Он не спал ночей.

Над задачей мучаясь, Строя чертежи... И концерт по случаю Знали этажи. Слушали ровесницы Песни и стихи... Ощущала лестница Гулкие шаги...

В нашем братстве – племени Был он светлым днем... Только в прошлом времени Все теперь о нем.

Неужели связаны Руки у судьбы? Неужель все сказано Страшным словом «был»?

Смотрят скорбной строчкою «Жил...любил...молчал...» За последней точкою Новых нет начал?

Старое забудется... Твердо знай и верь, Что однажды с улицы Распахнется дверь.

Забежит сияющий Игорь в институт: «Здравствуйте, товарищи! Как живете тут?»

Кончим песню старую, Новую начнем. Он вперед с гитарою Выйдет светлым днем. Прилетит чудесная, Жаркая пора: Семинары, сессии, Споры до утра.

Доведется Игорю Жить своей судьбой-Ту же шахту выберет, Свой родной забой.

Коль беда пожарищем Встанет на пути, Он друзей – товарищей Вновь готов спасти. Слыша речи страстные, Напрягаюсь весь – Все яснее ясного: Вот он, Игорь, здесь.

Комната обычная... Думы и мечты... Первокурсник сбивчивый... Игорь, это ты?

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА

«...люби людей» «Никогда не топчи нежное чувство любви» (Из записной книжки И.Игнатьева.)

Все в жизни может быть свидетелем... А потому всегда со мной Слова, что мне однажды встретились В обычной книжке записной.

Они не просто так записаны, Не ради красного словца. Писавший их бесспорной истине Остался верен до конца.

Он подбирал их с убеждением, Что начиная путь с нуля, Всю жизнь, от самого рождения. Любовью держится земля.

Любовь нам предками завещана, В людской заложена крови. Земля, учтите, тоже женщина И верной требует любви.

Она не верит обещаниям, Притворной клятве и мольбе. Земля измены не прощает нам Как не простила бы себе.

Она не любит клятвы длинные, Высоких слов не надо ей. А чтоб любовь была взаимною, Люби, пожалуйста, людей.

Им доброту свою сердечную И теплоту большой любви Отдай на пользование вечное, А за наградой не спеши.

И не шуми на каждой улице, Не объявляй, что ты герой. Поверь, с годами не забудется Твое тепло, твое добро.

УЛИЦА ИГНАТЬЕВА

«Переименовать ул. Рабочую в ул. Им. И. Игнатьева» (Из решения Золотовского городского Совета народных депутатов.)

Я искал тебя, Игорь Игнатьев, И нашел на донецкой земле, Где акаций нарядные платья Затаились в тени тополей.

Ты прописан и беленьких хатах, И в домах, что построже на вид. А в спешащих навстречу ребятах Твое щедрое сердце стучит.

Ты дыханьем своих тротуаров Прикасаешься к чьей –то судьбе. Вечерами влюбленные пары Доверяют секреты тебе.

Ты душою во-прежнему молод... И не раз замечал поутру: Каждый день, проходя возле школы, На урок ты ведешь детвору.

Ты в рабочий квартал непременно По ночам направляешь шаги: Горняков провожаешь на смену И встречаешь со смены других.

Несмолкающим гулом завода Ты на вахте бессменной стоишь. И гудками летят к небосводу. Сквозь года позывные твои

живи и помни

Из предсмертной записки И.Игнатьева, оставленной на стене выработки в шахте.

Живи и помни сердце завещало...
В глубокой шахте вывела рука.
В наследство нам так много и так мало, Чтоб пронесли мы память сквозь века.
Живи и помни, чем ему обязан.
Плати сторицей старые долги.
Ни в чем тебя не упрекнут ни разу.
Живи и помни. Сам себе не лги.

Разбрасываться клятвами не надо, Играя положительную роль. Живи и помни – вот святая правда. Живи и помни – жизненный пароль.

Нам этой фразой целый мир завещан С людской дорогой от разлук до встреч. Живи и помни, что детей и женщин Своей любовью мы должны беречь.

По шумной жизни, страстной и огромной, Не пригибаясь, в полный рост иди. Не отступай!. Всегда живи и помни. Пусть сердце беспокоится в груди.

Живи и помним...Просто и не просто. Друзьям ушедшим верность сохранить. Нас разделяют расстояний версты И бытия оборванная нить.

Живем и помним не по обещанью, Не потому, что помнить суждено. Ведь теми, кто оставил завещанье, Нам права на забвенье не дано.

Они на нас надеялись и ждали Не бронзы за кладбищенской стеной, Не почестей, не славы, не медалей-Обыкновенной памяти земной.

Святая память вековым набатом И день, и ночь гудит у нас в крови. В нас каждый нерв кричит и каждый атом: «Живи и помни. Помни и живи!»

1983 год г. Горское Донбас

КРИНИЦЫ

Криницы, криницы...
В селе и средь поля.
Криницы, криницы...
В степи и в лесу.
Свидетели счастья,
Свидетели боли,
Я вам
Откровенные думы несу.

Вы мне мою слабость Простите, криницы. У вас я навек В неоплатном долгу Но влаги прозрачной Достать и напиться Из темных глазниц, Хоть убей, не могу. Присяду тихонько На срубе замшелом, Прохладу дыханья До капли вберу, И сразу увижу Обмякшее тело, И сразу живою Представлю сестру.

Криницы, криницы, Вы –совесть народа Криницы, криницы... Живая вода Криницы, криницы... Прошедшие годы Криницы, криницы... Былая беда...

Криницы, криницы...
Вы помните ночи.
Кровавые ночи
Кровавой войны...
Печально подернулись
Светлые очи..
Такого вовек
Вы забыть не должны

Криницы, криницы, Вы помните зиму, Суровую страшную Зиму войны По стылой дороге Шли мимо и мимо Хватившие горюшка Чьи-то сыны.

Истрепаны в клочья... В гражданском, в военном... Откуда шагают... Да кто разберет... Но нам-то известно Бежали из плена На то мы мальчишки Дотошный народ. Криницы, криницы Вы слышали, верю, Как ночью морозной, Внушая испуг, В крестьянскую хату, В застылые двери Раздался несмелый Просительный стук.

И воздух морозный Взметнулся над печью... Присел у порога Измученный гость. Какой-то гортанной Неслыханной речью Наполнилась хата, Пропахла насквозь.

Но слышалось что-то В той речи родное Без злобы Отрывистых лающих фраз И втиснувшись на печь, В обминку со мною, Закашлявшись глухо, Забылся Кавказ. Худой и заросший Солдат был не молод В степенном достоинстве Прожитых лет.

Но муки скитаний Да голод и холод Фигуру его Превратили в скелет От пищи горячей Он шел на поправку... Глаза опускал, Словно в чем виноват. С отцом они часто Садились на лавку И молча тянули Презлой самосад. Он много курил,

Вспоминал своих дочек Подолгу с тоскою Смотрел на дымок Уже собирался Уйти этой ночью Но вот никогда Нас покинуть не смог.

Криницы, криницы Вы помните ночи Кровавые ночи Кровавой войны Печально подернулись Светлые очи. Такого вовек Вы забыть не должны.

Криницы, криницы Кричать вы хотели Водою, замшелыми срубами, дном Как двери с петель От удара слетели От топота хата пошла ходуном. Криницы, криницы, Тряслись ваши плечи Вы горьких рыданий Сдержать не могли, Когда меня сонного Сбросили с печи И к срубу под вишней Мешком волокли. Криница, криница Прошу я запомни И память кристальной Печатью скрепи

Как я оказался
В воде твоей темной
И только услышал
«Сынок, потерпи».
Криница, криница
Могильной холстиной
Твоя родниковая
Стала слеза
Поднятой на вилы
Сестренке Христине,
Чье тело
Твои расплескало глаза.

И с грохотом ворот Оторванный падал Со свистом летел Раскаленный свинец Закрыл как щитом От кромешного ада Меня своим телом Грузинский отец. Криницы, криницы Не помню, поверьте Что было? Мужчина Живой и на дне Одно только знаю Что собственной смертью Он жизнь свою словно бы Передал мне.

Криницы, криницы Ночь страшно храпела И в мрачной глуши Не хватало огня Последним рывком Полумертвое тело Из черной пучины Тянуло меня.

Криницы, криницы Деревня Охновка Звенят на морозе Кусты вешняка Криницы, криницы Не лопни, веревка, Криницы, криницы, Не выдай, рука.

Криница, криница
Твой берег кровавый
Последним приютом
Спасителю стал
Стоишь ты до ныне
Как памятник славы,
А сруб твой замшелый
Его – пьедестал.

Криницы, криницы Проносятся годы Криницы, криницы Родные края Криницы криницы Вы – память народа Криницы, криницы Вы – рана моя.

СКАЗКИ

СКАЗКА О КРАСНОМ КАРАНДАШЕ

Жил на свете карандашик В ярко-красный цвет раскрашен И снаружи и внутри, Ярче утренней зари.

Только вот в коробке тесной Жизнь была неинтересной: Темнота и теснота. Не судьба, а маета.

И ему сидеть без дела Очень скоро надоело, Потому-то по утрам Поднимал он тарарам.

Надо было непоседе Разбудить своих соседей: Всю семью карандашей. И больших и малышей.

Он кричал: «Пора нам, братцы, Из неволи вырываться! И давайте белый свет Перекрасим в красный цвет».

Этот красный прыток больно-Буркнул черный недовольно,-Да на горло не возьмешь-Мне и черный цвет хорош. Уходи сию минуту И не сей напрасно смуту1 В черном цвете все равны. Потому что все черны».

Задохнулся даже красный: «Ну, ты это, брат, напрасно. Можешь сам собою быть. А других зачем чернить?»

«Вот спасибо, разрешаешь! Уходи! Ты мне мешаешь Гляньте -праведник какой! Завалю одной рукой»

Красный прыгает проворно. Кулаками машет черный. Норовит в лицо попасть. Страсть!

Красный тоже не уступит И в ответ с размаху лупит. Где гуляли кулаки, Вырастают синяки.

«Прекратите драку, братцы! Надо в деле разобраться,-Это крикнул голубой. Чтобы миром кончить бой.

Только нет в коробке мира: Ерепянятся задиры. На столе картонный дом – Ходуном. И качнувшись боязливо, Рухнул на пол, как с обрыва, Разломился пополам. Разбросал всех по углам.

Под тахтой, вздыхая тяжко, Красный мучится, бедняжка. От обиды и стыда. Вот беда

День минул, другой проходит, Только помощь не приходит, Не идут карандаши. Ни души

Но однажды на рассвете Папа вдруг его заметил. И в карман пиджака-Чудака.

И с тех пор он сильно занят: На столе стоит в стакане. И к хозяину на зов Он прийти всегда готов.

А хозяин кабинета В знак признания за это Научил его писать: «ОТКАЗАТЬ».

Чем не жизнь?! Один в стакане. Пусть другой теперь буянит. Забирайся в кабинет. И привет!

Из руки да снова в руку. Не житье- сплошная мука1 А отдельный кабинет?! Нет!

Жить оторванным от мира Не умеет наш задира. Эта жизнь не для него. Во!

Просидев дня два в стакане, Он решил без колебаний: «Может даже на беду, Но уйду»

И тревога привела Карандаш на край стола. Он разбиться не боясь,-На пол – хрясь!

Полежав сперва немного, Докатился до порога, Только вот через порог Перебраться он не смог.

А старушка баба Маша Подобрала карандашик: Ну-ка на держи, внучок. И молчок!

Да смотри, дрянной мальчишка, Не болтай соседям лишку. А то отнимут карандаш. И шабаш! И мальчишка карандашик Прятал всякий раз в кармашек. Никому не давал, Только сам рисовал.

Ты скажи кому охота Выполнять желанья жмота? И герой наш прыг да скок-Наутек.

Где-то он теперь гуляет. Я и сам, друзья, не знаю. Может быть у вас живет. Вот.

КАК ЗАДУМАЛО ЗВЕРЬЕ ПЕРЕСТРАИВАТЬ ЖИЛЬЕ.

За могучими горами. За дремучими борами. Под высокою сосной Собрался народ лесной. Под сосною на поляне Открывал медведь собранье: «Звери, слушайте меня, Утвердим повестку дня. Мирно жили мы, бывало, А теперь одни скандалы. По ночам не выходи! Что же ждет нас впереди! Вся республика лесная Разбивается на стаи. Волки пробуют клыки, Озверели барсуки. Лисы бросили работу И не ходят на охоту. У норы за бугорком Заселает их стачком. К нам пришел их представитель. Отчитаться не хотите ль? Вот под шум и голоса Вышла старая лиса: «Скоро год как за нраницей Не охотятся лисины. Знают, что не даст пропасть Их заботливая власть. И проводят время в норах В светских лисьих разговорах. Не житье, а чистый рай! Нам такое подавай!»

«Ишь ты, старая плутовка, Как выдумывает ловко!» А енот пролепетал: «Может, правда. Кто видал?» Вновь медведь: «А что с волками? С их опасными клыками?» Волк: «Ну, старый остолоп!» И мелвеля с левой – в лоб. А медведь с размаху в ухо -То-то будет заваруха! Да, вот это поворот! В драке весь лесной народ. Целый день земля гудела. Но не двигается дело. Не решили, как живет За границею народ. Тут промолвила тетеря: «Попрошу послушать, звери! Хватит крови, хватит драк! А решим давайте так: Чтоб нам больше не браниться. Чтоб узнать про заграницу, Мы, не тратя лишних слов, Снарядим туда послов. Пусть узнают все на месте И доложат честь по чести Через десять, этак дней. Через двадцать – не поздней». «Что ж, ребята, это дело,-Волк сказал оторопело,-Может, правда, есть и пить Будут в логово носить». А медведь сказал: «Вы правы. А иначе мы управы На лентяев не найдем,

От безделья пропадем». А еще спросил: «Всем ясно? Все избрать послов согласны? Голосуем. Против?. Нет! Вот достойнейший ответ. Выдвигай кандидатуры». «Стрекозу!» - «Она же дура!» «Попрошу не оскорблять! Грубых буду удалять! Продолжаем выдвиженье» Снова все пришло в движенье Избирали до зари. Утвердили – посмотри. Для поездки за границу Звери выбрали куницу. Что она пленила всех? Не она, а чудо-мех. Петуха, гуся, джейрана, Да безрогого барана, Да премудрого ужа. Да колючего ежа А возглавил это дело Старый волк, как саван, белый. Чтоб соседям, так сказать, Тоже силу показать. Прекратились недовольства. Все сидят и ждут посольства Из далеких дивных мест. Тишина стоит окрест. А послы, как тараканы, Расползлись по разным странам. Ходят. Прыгают, снуют, Прелесть жизни познают. Ну, а чтоб не выделяться, Стали модно одеваться,

За три дня, в конце концов, Вышли деньги у гонцов. А без денег, как известно, Жить совсем неинтересно. И какой бы ни был рай. Хоть ложись да помирай. Волк премудрый очень скоро Стал известным рэкетиром. И сегодня Интерпол На него досье завел. А куница средь знакомых На балах да на приемах. Удивительный успех! Вот что значит куний мех Ну, а что до петуха – Продал, бедный, потроха. И подумать страшно вслух. До чего дошел петух. Серый гусь живет в сарае. Ест и пьет, не зная края, Зажирел в добре, в тепле, Скоро будет на столе. А барану?- Что барану1 Ходит с собственной охраной. Бизнесменом стал давно: Продает свое руно. Уж исследовал округу И нашел себе подругу. И теперь, ни боже мой, Не воротится домой. А в лесу, хоть и не войны, Снова стало беспокойно. Митингуют все подряд, Про посольство говорят. Вот какая ситуация!

Потерялась делегация! «Может быть, их за границей Побросали всех в темницы? Надо выразить протест»,-Гулко слышится окрест. «Знаешь, им твои протесты!-Кто-то хрипло рявкнул с места.-Все протесты – ерунда! Ультиматум – это да»! «А потом у нас порядок Навести железный надо, Распустились все подряд-Что хотят, то говорят. За Уралом места хватит Кто на власти бочку катит. Лоси, лошади, маралы Записались в либералы. Вишь ли, их теперь не трожь. Что за жизнь, ядрена вошь!» Что тут было, что тут было! Вся поляна воем взвыла, Кто-то «против», кто-то «за»... Не собранье, а буза. «Это ж, братцы, диктатура! Ишь. Чего удумал. Шкура Вот вражина, вот пират»,-Взвизгнул заяц-демократ. «Знаем, что это за прелесть! Хватит, досыта наелись!» «Снова будут лагеря!» «Лучше батюшку-царя1 Да хоть будет дисциплина!»-Раздается рев ослиный. «Ну, осел, ни бэ, ни мэ, Жить тебе на Колыме».

«А по мне, так все едино, Если будет дисциплина, Я при всех властях тружусь, Значит, всюду пригожусь. Налетели неформалы: Три гиены, два шакала, И несчастного осла Лишь милипия спасла. Снова смута, снова буча: Звери жить друг друга учат. Только вдруг вернулся еж. На кого же он похож? С головы до ног в заплатках. Знать, пришлось ему не сладко В чужедальной стороне, Посмотри, весь в седине, Иглы вылезли на шапке И до крови сбиты лапки, И пальто висит мешком. Неужели шел пешком?» Исхудал-то, как бедняжка!» «Да, небось досталось тяжко» «Уходил-то сам восьмой. Да один пришел домой. Ну, а где же остальные?»-Беспокоятся родные. Им, беднягам, невтерпеж: «Говори скорее, еж» Так и надо вам, болваны!-Волк завыл на всю поляну.-Вот вам совесть, вот вам честь,-Похватал всех, как есть! Нет, ребята, чтоб я помер, Не пройдет им этот номер! Мы покажем им без слов,

Как хватать чужих послов. Мы им прыть-то поубавим, Vважать себя заставим Всех заставим понимать. Где живет у Кузьки мать. Подходи, зверье лесное, Кто готов идти со мною? Начинаю набирать Добровольческую рать». «Сам воюй, коль есть охота»,-Из толпы мяукнул кто-то, А другой вопит: «Даешь!» Только тут вмешался еж: «Мы туда, а нас не ждали, Но смотреть возможность дали: Наблюдайте, господа. Разбрелись мы кто куда. Видел я другие страны, Магазины, рестораны, И повсюду – ай-ай-ай! Кучу денег подавай. А у нас они откуда?» «Да снабдили вас не худо». «Ой, приятель, не смеши! Это – жалкие гроши. Приодеться было надо, Поменять свои наряды. Наш, ребята, Минлегпром Не в почете за бугром». «А другие?»- Что другие! Стали очень дорогие. Потому что без монет За границей счастья нет. Волк премудрый очень скоро Стал известным рэкитером».

Местный волк орет: «Вот жись! Ну теперь, братва, держись!» Еж проведал про куницу, Что осталась за границей И отныне никогда Не воротится сюда. «Вот блудница, вот пройдоха!» «Ей и тут жилось неплохо Подалась смешить народ»,-Так решил весь куний род. Ну, а кто-то на полянке Позавидовал беглянке: «Эй, подружки, мне бы с ней Покутить хоть пару дней». А гонец про петуха: «Продал, бедный, потроха». Среди кур переполох: «Не вернется царь и бог. А, не дай господь, вернется, Худо дело обвернется. И кому такой нужон Без того, что продал он?...» Все опешили вначале. Приумолкли, замолчали. «Стой, ребята, тут измена!»-Завопила вдруг гиена. Тут же чибис застонал: «Всех бы их под трибунал!» «На-ко, выкуси! Попробуй!-Проворчал кабан со злобой.-Помешались на кнуте Времена теперь не те! «Так-то так, но где же выход?-Задала вопрос лосиха.-Дай нам волю и беда

Разбежимся кто куда». «Ну и пусть!- орут лисицы.-Открывай, медведь, границы Мы гульнуть сумеем всласть! Надоела ваша власть». «Вы, товарищи, не правы, Разбазарите державу. Надо, чтоб союз спасти,-Референдум провести». А они в ответ: «Иди ты, Дядя, с этим плебисцитом! Мы решили, что сейчас Отделяемся от вас. Заявляем принародно: Мы желаем жить свободно, Узурпаторов долой Быстро выметем метлой. Свой порядок установим-Инородцев всех отловим, Чтоб отправить за кордон. Убирайтесь!- И пардон!» «Ну, а как теперь охота?»-За кустом промямлил кто-то. «Надо,- пискнул старый крот,-Лисам сделать укорот. Эти рыжие блудницы1 Им границы не границы. Проберутся под землей, Что тут будет: ой-ой-ой!» «Начинают прямо с ходу Ограничивать свободу. Не пускают нас в леса!»-Заканючила лиса. «Ты же к этому стремилась. Что ж теперь? Скажи на милость»,

«Вам же с нами жить совместно Показалось очень тесно Что теперь за разговор?! Промышляйте возле нор». «Так-то так, да есть причина: Вся повывелась дичина». «Ну, а мы причем, позволь? Это нынче ваша боль. Мы своих не обеспечим. И хотели бы, да нечем! Зверь бежит из наших мест: Радиация окрест. В общем, с нового сезона Всех посадим на талоны. Будут пища и вода Продаваться...иногда». Отвечал медведь: «Понятно!... За валюту, как родне, По коммерческой цене». Лисы ахнули с тревогой: «Дорогой, побойся бога! Ведь у нас валюты нет». «А коль нет, тогда привет!» А горбатый лис добавил: «Слушай, это против правил-На лопатки слабых класть, Ну, какая ж это власть?» «Вот, что я скажу, горбатый: Вы же сами виноваты-Оборвать решили нить. Так кого ж теперь винить? В отношенье нашей власти... А у вас – какие страсти! Инородцев - за порог! Ничего себе – урок!

И не надо на кого-то Перекладывать заботы. Будут наши рубежи Охранять теперь ежи. В обстановке этой сложной Жить иначе невозможно. Потому что лисий род-Ненадежнейший народ». «Не пускаете – и ладно, Только выйдет вам накладно, Мы теперь вас, мужики, Не допустим до реки, Все дороги перекроем И ловушек понароем. Насидитесь без воды-То-то хватите беды. Что, соседи, не по нраву Вам подобная приправа? Вы же сами нарвались»,-Просипел со злобой лис. «Погодите, что за шутки?-Заорали хором утки-И скажи, кто ты такой, Чтоб командовать рекой?» Подошли козлы толпою: «как же нам без водопою?» «Мы не можем без реки»,-Заворчали барсуки. А лягушка: «Стойте, братцы! Ну, зачем так волноваться? Завтра выроем пруды-Всем достанется воды!» «Во! – сказал медведь. – Отменно! Пруд построим непременно. А с лисицами – ни-ни

Заговорщики они!» «Сам-то пей хоть из болота,-Из толпы промолвил кто-то,-Только нас не вынуждай, Нам речной воды подай!» «Ишь, заводит нам порядки! У тебя, небось в достатке И заморская еда, И проточная вода», «Да, конечно! Что ему-то!» «Погодите! Это смута! Анонимный губошлеп На меня возвел поклеп. Он соврал, а вы и рады! Размычались, словно стадо, Распоясались, скоты! Мы таким закроем рты!» «То есть как это закроем?!-Загудели пчелы роем.-Пусть попробует зажмет-Мы ему покажем мед!» «Слушай, старая колода, Как ты будешь жить без меда? Нешто вовсе ощалел? Хоть бы внуков пожалел». То медведица-соседка Так его отбрила метко. Будто тиснула печать. Что тут будешь отвечать?! И медведь, присев на лавку, Говорит: «Пора в отставку. Хватит мне руководить-Лучше по лесу бродить». «Что удумал, председатель?! Ты случайно не предатель?

Заварил, а сам в кусты!»-Загорланили дрозды. «Пусть идет в свою берлогу!-Волки рявкнули из лога.-Пусть уходит, не помрем, А замену – подберем». «И, конечно, в волчьей стае?»-Пропищали горностаи. Стоголосым эхом «Heт!» Гулко грянуло в ответ. «Мы медведя оставляем, Уходить не позволяем. Власть менять – что за резон? Да еще в такой сезон!» Подскочили неформалы: Вам его проделок мало! Ну, толпа и есть толпа, Необузданна, глупа!» Филин ухнул: «Это вроде Тут сказали о народе? Может только подлый тать Всех глупцам называть. Что касается медведя... Извели мы много меди На фанфары в честь его, A выходит – не того... Так всегда у нас не скрою: Все начальники - герои-Как начальником не стал-Разрушаем пьедестал. Этой практики порочной Избежать нам надо срочно, Не хвалить и не бранить, А реально оценить. Наш медведь не без ошибок,

Крутовотого пошиба. С кем то был порой суров. Наломал немало дров, Но и сделал он немало, Часто нас мирил, бывало. Кто другой – что говорить-Так не сможет помирить. Да, медведю всыпать стоит, А отставкою – пустое. Ни к чему в бутылку лезть-Надо критику учесть. Если делаешь погоду, То не лезь, не зная броду, Не ругайся через край, Выраженья выбирай, Нажимай своим указом Не на силу, а на разум. А с отставкой погоди, До греха не доводи. Все ли я сказал, соседи?» «Голосуем за медведя!» «И за волка! Кто – кого!» «За медведя – большинство!» Встал медведь, смущенье спрятав: «Что ж, спасибо вам, ребята. Я останусь на посту. Вашу критику учту. Только линию на разум Надо гнуть нам с вами разом, Если ж кинетесь в разброд, Понаставите ворот. Волк введет свои уставы Тут уж я бессилен, право. Ни один народ вражда Не спасала никогда.

А покончить с этим спором Можно только договором. Равноправный документ Переменит все в момент. Подпись – только добровольно, Чтобы были все довольны. Не хотите – выбор ваш, Отделяйтесь – и шабаш! Но решать не стоит с ходу-Посоветуйтесь с народом, Если он поддержит вас, Начинайте, в добрый час! Ну, а против будут люди-Знают все: добра не будет, Потому что наверху Часто порют чепуху». «А твое какое дело?-Волк завыл осатанело.-Мы теперь – не твой удел! Не касайся наших дел Не признаем вашей власти-От нее одни напасти, Ни единый твой указ Никого еще не спас». В это время на поляну Прибежала обезьяна. Громко всхлипнула она: «Там, в лесу, идет война. Ночью лисы, словно воры. Забрались в барсучьи норы. Барсуки на них в клыки, Помогите, земляки! Льется кровь, страдают дети, Кто за это все ответит7 И доколе все терпеть?

Что же ты молчишь, медведь?» «Да, конец таким раздорам Не положишь разговором. Занимайте-ка, ежи, Боевые рубежи. Постарайтесь непременно Погасить пожар военный, Обуздать разгул страстей-Хватит крови и смертей. В арсенале, что под кручей, Вам оружие на случай. Но учтите, что оно Применяться не должно». «Как же так?»- кричат салаги. «Дисциплины и присяги, И отваги на войне Вам достаточно вполне. А когда дойдет до взбучки, Покажите им колючки. Мол, с любителями ссор Есть особый разговор». «Слушай, брось ты эти штучки -Против техники – колючки! Что за глупая игра? Образумиться пора! Тем, кто взялся за кинжалы. Надо с корнем вырвать жала. Разве справятся, скажи, Безоружные ежи? Образумься, окаянный,-Продолжала обезьяна,-А коль правда – невтерпеж, Что медведей не пошлешь? Сила есть, ума не надо, Так пускай медвежье стадо

Встанет там живой стеной. Что же ты молчишь, родной?!» «Что удумала мартышка Нет, ребята, это слишком! Чтобы всю мою родню Истребили на корню!» А других, выходит, можно?! Слушай, это же безбожно! Где же равные права? Лишь красивые слова». «Ваш вопрос, пожалуй, верен, Только он не характерен Для нелегких наших дней, Есть вопросы поважней!» «Да какие там вопросы?! Хочет нас оставить с носом! Не допустим, господа! Будем требовать суда Над медведем вместе с кликой, Распустились, посмотри-ка! Издевались, как могли, Всех до ручки довели. В магазинах нынче купишь Разве что без масла кукиш, Да и то не всякий раз-Всюду очередь у нас. И к тому же нынче, братцы, Цены начали кусаться, Словно лютое зверье. Сколько можно?!- E-мое!» «Погоди-ка,- крикнул кто-то,-Мы забыли про енота, Он ведь как- никак премьер, Вдохновитель этих мер. Вспомним, вспомним непременно Тихой сапой вздернул цены, Не мещало бы его Так же вздернуть самого». «Нет, ребята... Лучше это... На голодную диету... На зарплату в двести рэ, Он тогда и сам помрэ...» «Что, мерзавцы, натворили: Все кругом поразорили. И куда не глянешь –сплошь Преступления и ложь». «Да не надо так, ребята, Мы же сами виноваты. Только смотрим, где урвать, Остальное – наплевать». «Ишь ты, праведник, однако, Мы сейчас его, собаку...» И пошло, пошло опять... Ничего не разобрать. Защищают и ругают, Выдвигают, предлагают.... И не скоро, знать, они Отойдут от болтовни. Старый лес и ту поляну, Где бранятся звери рьяно, Я вам точно укажу-Приезжайте на Межу.

> Алешково – Георгиевское Межевской район Декабрь 1990 июль 1991

КРУПЕНИЧКА

Говорят, в каком-то царстве, В православном государстве Много лет тому назад Правил добрый царь Кондрат. Не щадил себя для славы Процветающей державы. У царя была жена И красива, и умна. Настоящая царица, Все при ней, как говорится. Меж собой любовь, совет, А детей все нет и нет. Без детей какое счастье. Не житье – одни напасти... Бог воздал им за дела: Дочь царица родила. Нужно дать ребенку имя С домочадцами своими Царь с утра заводит речь, Как царевну им наречь. Но средь их согласья нету. Всяк дает свои советы. Каждый лезет со своим, Как и мы, -на том стоим. Не сойдутся царь с женою-Он – одно, жена – другое. Споры жаркие ведут. Долго думали-гадали, А князья-бояре ждали. -Вот что,-выйдя наконец,-Повелел им царь-отец: Чтоб не мешкая нимало,

Дума меры принимала-В тот же день, того числа Снарядила бы посла. Пусть идет на перекресток, Что у старого погоста, Наберясь терпенья, ждет, Кто же первый подойдет, Подошедшего встречает И в шатер свой привечает. Там на славу угостит И дарами улестит, Чтоб за дружеской беседой Гость потом ему поведал, Кто, откуда, как зовут, Как в державе их живут. Лишь пришелец скажет имя, Пусть посол гонца поднимет, Чтоб скакал во весь опор Доложить на царский двор. Царь объявит принародно, Что цареву дочь угодно, Дабы споры все пресечь Этим именем наречь. А бояре... Что бояре? Угождая государю, Тут же кинулись бежать И посольство снаряжать. Не простая это штука Снаряжать посольство. Ну-ка, Сам попробуй собери. Что, не можешь? Так смотри. Пыль в палатах коромыслом. Суетятся все без смыслаПоказать они хотят, Что недаром хлеб едят. Да, нешуточное дело Дума думала, взопрела. До полночи не спала, Но назначила посла. Для охраны дипломата Вышли сорок два солдата, А для всяческих услуг Выезжают двадцать слуг... Писаря и реферанты, Алъютанты и агенты. Посылать так посылать. Всем посланцам исполать! За тяжелую работу Доложила Дума льготы Думцев- первыми в указ. Словом, точно, как у нас. Ведь не зря ж они страдали, До полночи заседали,-Значит, каждому лицу На Канарах по дворцу. И проезд, вполне понятно, Обеспечен им бесплатно. Наперед на много лет Даден им иммунитет. Ну, а что до дипломата-Ждут его в Москве палаты, И солидный пенсион Обретает нынче он. Ожидает награжденье Все его сопровожденье. Всем – по тысяче рублей.

Чтоб смотрели веселей. И служивые, и слуги-Все получат за заслугам: Слугам –каждому пятак: А солдат?- Сойдет и так. Все. Закончены дебаты. Выступают в путь солдаты. За солдатами вослед Восемь двинулось карет. Сколько времени в дороге. Неизвестно. Но в итоге Оказались точно в срок На сплетении дорог. Поступили очень просто: Оседлали перекресток И пришельца стали ждать, Чтоб вопрос ему задать. День стоят, второй и третий. На четвертый, на рассвете, Был нарушен их покой Старушонкою с клюкой. Тут же все пришла в движенье-Взяли бабку в окруженье И культурно, как смогли, К воеводе привели. Вопрошает воевода: «Кто ты есть? Какого рода? Как тебя отец тебя и мать Соизволили назвать? Я, посол царя Кондрата. Дам даров тебе богатых. Окажу большую честь, Лишь поведай все как есть».

Испугалась бабка жутко-Милость царская не шутка. И признаемся, не вдруг У нее прошел испуг Слезно старая взмолилась «Сделай божескую милость, Согрешила, так прости, Поскорее отпусти. Мне ко Киеву, ко граду-Помолиться Богу надо. Просьбу выполню твою-Ничего не утаю. Родилась в далеком крае Сколько лет назад – не знаю. С той поры меня народ Крупеничкою зовет». Воевода не поверил: «Ах ты, старая тетеря! Что за имя! - Чистый бред! Да такого в свете нет! Будешь врать еще, старуха, Раздавлю тебя как муху. Только правду говори. Побыстрее. Да смотри!» Бабка на пол повалилась И в истерике забилась: «Ты – посол, но остолоп Крупеничка я по гроб. Если так меня крестили, Так на белый свет пустили. И соврать бы –не смогу, Хоть согни меня в дугу. У меня одно желанье:

Я спешу на покаянье, Помолиться в Киев-град, Не чини ты мне преград И прости, коль согрубила, Вашу милость оскорбила-Сам же начал ты орать. Ну с какой мне стати врать?!» Так, на правду все похоже, Но свое себе дороже, И посол собрал совет. Чтоб решиться «да» иль «нет». Долго спорили-рядили, «За и против» обсудили И, заканчивая спор, Записали приговор: Наградить казной старушку, Прямо здесь задать пирушку, Но сперва послать гонца. Чтоб обрадовать отца. А пока пирушка длится, Прискакал гонец в столицу Дочь на радость всей земли Крупеничкой нарекли. Знамо дело, окрестили, Всех вокруг оповестили... Вот прошла семнадцать лет-Расцвела как маков цвет. Так умна и так пригожа-В царстве нет другой похожей. Время вам, отец и мать, Жениха ей подыскать. Чтоб на счастье и на славу Передать ему державуПусть надежною рукой Охраняет их покой. Будет дочери супругом, Для детей отцом и другом, Но такого где найдешь?-Измельчала молодежь. Нет таких в своей державе. И Кондрат послов отправил К иноземным городам-Женихи найдутся там. Вот и мы, как говорится, Все везем из-за границы: Сало, масло, петухов И завидных женихов. Раньше всем всего хватало И одежды, и металла, Но прошли те времена-Побирается страна. Извините за огласку, Но пора вернуться в сказку. Мы туда, а там беда: Басурманская Орда, Говорят, что Золотая, Налетела словно стая Необузданных волков На детей и стариков. Все: бояре и дворяне, И торговцы, и крестьяне Подымались на войну За родимую страну. Храбро воины сражались, До последнего держались Но не деться никудаОдолела их Орда. Все войска царя Кондрата С генерала до солдата Полегли до одного, Не осталось никого. Тут набросились татары И на малых, и на старых. Из родительской земли На чужбину увели. Крупеничка доставалась Бусурманину-шакалу. Он девицу не щадил И работой изводил. Все хотелось изуверу, Чтоб она сменила веру, Чтобы крест святой сняла, Бусурманство приняла. Обещал: «Коль веру сменишь, Злато-серебро наденешь. От работ освобожу И казною награжу». Но богатые отмычки Не подходят Крупеничке, И татарин всякий раз Натыкался на отказ. Исходя от злобы пеной. Он бросался на царевну, Испуская дикий рык,-Он к отказам не привык. Жег упрямицу огнями, Крепко связывал ремнями, Опускал со свистом бич-Ничего не мог достичь.

И тогда работой тяжкой

Снова мучил он бедняжку. Но не в силах подлый тать С Крупеничкой совладать. Он ее работой мает, Но она не уступает. Много лет живет в Орде В изнурительном труде. Но однажды как-то мимо Проходили пилигримы. К ней старушка подошла И к себе подозвала. Крупеничку пожалела, Накормила. Обогрела, Приласкала, словно мать, И с собой решила взять. А она не верит счастью: Неужели все напасти Пропадут, как страшный сон И закончится полон? Бабка посохом взмахнула, Крупеничку обернула Вмиг в гречишное зерно, А его- в суму, на дно, На восход перекрестилась И в далекий путь пустилась, Ей дойти бы до весны До родимой стороны. Истрадалася девица: Семь недель в суме томиться. Долг, вам скажу, друзья, Путь в родимые края. Так устроено в природе, Что конец всему приходит. Вот старушка добрела До родимого села.

В избу зернышко заносит. Крупеничка слезно просит: «Засыхаю я в тепле, Ты предай меня земле. Да не просто у ограды-Мне простора больше надо. Закопай среди полей И водицею полей. Сделай, как я попросила, А когда войду я в силу, Сытной кашею берусь Впредь кормить святую Русь». Бабка спорить не посмела, Крупеничку пожалела, Отказать ей не смогла, В руку правую брала, Выходила в чисто поле На широкое раздолье И сажала там зерно. Тут же в рост пошло оно

Вмиг взошло и распустилось, Зацвело и закустилось. Крупеничка ожила, Сотню зерен родила. Ветры теплые вздохнули, С четырех сторон подули И во все концы земли Ветры зерна разнесли. Нынче близко и далече У людей в почете греча. Православная страна Кашей гречневой сильна. Все. Кончается побаска. Что тут сказка, что не сказка, Каждый должен сам решать. Я не буду вам мешать.

> 6-12 февраля 1999 года с. Парфеньево

СОДЕРЖАНИЕ

ИСПОВЕДЬ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЕМ	3
ПОЭМЫ	
KOCTPOMA	5
ЛЕБЕДИНЫЕ ПЕРЬЯ	25
МАРФИНА МОГИЛА	43
МЕЖАКИ	64
ОДУХОТВОРЕНИЕ	80
СПАСИ И СОХРАНИ	106
РОЖДЕНИЕ СЕЛА	117
живи и помни	119
КРИНИЦЫ	139
СКАЗКИ	
СКАЗКА О КРАСНОМ КАРАНДАШЕ	146
КАК ЗАДУМАЛО ЗВЕРЬЕ ПЕРЕСТРАИВАТЬ ЖИЛЬЕ	151
КРУПЕНИЧКА	169